

THE MYTH OF 1648:

*Class, Geopolitics,
and the Making of Modern
International Relations*

BENNO TESCHKE

МИФ О 1648

ГОДЕ:

*класс, геополитика
и создание современных
международных отношений*

Б Е Н Н О Т Е Ш К Е

*Перевод с английского
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА*

Третье издание

*Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2025*

УДК 327(09)
ББК 66.4(4)'6-6
Т38

<https://elibrary.ru/qlqrbt>

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Тешке, Б.

Т38 Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных междуна-
родных отношений / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая
школа экономики». — 3-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики,
2025. — 416 с. — (Социальная теория). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4319-1
(в пер.). — ISBN 978-5-7598-4294-1 (e-book).

Настоящая книга опровергает распространенное представление о том, что Вест-
фальские мирные соглашения 1648 г. не только положили конец Тридцатилетней вой-
не в Европе, но и ознаменовали собой рождение нового международного порядка,
основанного на взаимодействии суверенных государств. Автор показывает, что вну-
тригосударственные «общественные отношения собственности» оказывали опреде-
ляющее влияние на международные отношения по меньшей мере до начала Великой
французской революции. Династические монархии, правившие в это время, отлича-
лись от своих средневековых предшественниц степенью и формой персонализации
власти, но не ее основополагающей логикой. Действительные перемены произошли от-
носительно недавно и были связаны с развитием современных государств и капитализ-
ма. Современная система международных отношений возникла только после того, как
правительства начали править безлично, ограничив свои функции осуществлением
монополии на насилие.

Книга адресована историкам, социологам, политологам.

УДК 327(09)
ББК 66.4(4)'6-6

Перевод книги: *Benno Teschke. The Myth of 1648: Class, Geopolitics,
and the Making of Modern International Relations. First published by Verso 2003*

Опубликовано на русском языке Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

На обложке — фрагмент картины Герарда Терборха
«Заклучение мира в Мюнстере», 1648 г.

doi:10.17323/978-5-7598-4319-1

ISBN 978-5-7598-4319-1 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4294-1 (e-book)

© Benno Teschke 2003
© Перевод на русский язык. Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2011; 2019;
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	12
БЛАГОДАРНОСТИ	20
ВВЕДЕНИЕ	22
I. НАЧАЛА И ЭВОЛЮЦИЯ НОВОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ: СПОР В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	38
1. ВВЕДЕНИЕ: ОТ СТРУКТУРЫ К ИСТОРИИ	38
2. СТРУКТУРНЫЙ НЕОРЕАЛИЗМ	39
3. ИСТОРИЗИРУЮЩИЙ РЕАЛИЗМ	43
4. ИСТОРИЗИРУЮЩИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ	57
5. НЕОЭВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	64
6. НЕОМАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ МО.	74
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К НОВОЙ ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.	78
II. ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	82
1. ВВЕДЕНИЕ	82
2. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	85

3. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СТРУКТУРЫ И СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ В ФЕОДАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	98
4. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ «МЕЖДУНАРОДНЫХ» ИНСТИТУТОВ	104
5. ФЕОДАЛЬНЫЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ СИСТЕМЫ»: ПО ТУ СТОРОНУ АНАРХИИ И ИЕРАРХИИ.....	115
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	120
III. ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОАКТОРНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	122
1. ВВЕДЕНИЕ: ОТ ИЕРАРХИИ К АНАРХИИ	122
2. КАРОЛИНГСКАЯ ИМПЕРИЯ.....	127
3. ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРЕХОДА ОТ ИМПЕРСКОЙ ИЕРАРХИИ К ФЕОДАЛЬНОЙ АНАРХИИ	133
4. НОВЫЙ СПОСОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ	138
5. ПОСТКРИЗИСНАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ (XI—XIV вв.).....	150
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОАКТОРНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ...	170
IV. ПЕРЕХОДЫ И НЕПЕРЕХОДЫ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ: КРИТИКА КОНКУРИРУЮЩИХ ПАРАДИГМ	175
1. ВВЕДЕНИЕ: ВОЗВЫШЕНИЕ ЗАПАДА?.....	175
2. МОДЕЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ...	177

3. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	194
4. МОДЕЛЬ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ.....	197
5. КАПИТАЛИЗМ, НОВОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И НОВОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВ: РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ.....	211
V. «L'ÉTAT, C'EST MOI!»: ЛОГИКА ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА	
1. ВВЕДЕНИЕ: ИДЕАЛИЗАЦИЯ АБСОЛЮТИЗМА	222
2. СПОРЫ ВОКРУГ АБСОЛЮТИЗМА: ПЕРЕХОД ИЛИ НЕПЕРЕХОД?.....	224
3. РАЗВИТИЕ И ПРИРОДА ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА	246
4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ АБСОЛЮТИЗМА.....	278
VI. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: МЕРКАНТИЛИЗМ И СОЗДАНИЕ МОРСКИХ ИМПЕРИЙ	
1. ВВЕДЕНИЕ: «ДОЛГИЙ XVI ВЕК» И МЕРКАНТИЛИЗМ	285
2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ: МЕРКАНТИЛИЗМ КАК ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ. . .	286
3. КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ И ЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	290
4. ПРИВЕЛ ЛИ МЕРКАНТИЛИЗМ К РАЗВИТИЮ КАПИТАЛИЗМА?	296

5. ЗАКРЫТЫЕ ТОРГОВЫЕ ГОСУДАРСТВА: ЕДИНООБРАЗНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ?	303
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: «БОГАТСТВО ГОСУДАРСТВА» ПРОТИВ «БОГАТСТВА НАРОДА»	304
VII. ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ	309
1. ВВЕДЕНИЕ: ТЕОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ, ДЕЙСТВИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	309
2. СТРУКТУРА И СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ В ВЕСТФАЛЬСКОМ ПОРЯДКЕ	315
3. ВЕСТФАЛЬСКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС ДИНАСТИЙ	321
4. ЦИРКУЛЯЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ, ЦИРКУЛЯЦИЯ ПРИНЦЕВ	331
5. ДИНАСТИЧЕСКОЕ ХИЩНИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ И БАЛАНС СИЛ	336
6. ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА	343
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КОНЕЦ КОНЦЕПЦИИ 1648 г.	353
XVIII. ПО НАПРАВЛЕНИЮ К НОВОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПЕРЕХОДЕ ОТ АБСОЛЮТИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ	355
1. ОТ «СТРУКТУРНОГО РАЗРЫВА» К «СМЕШАННОМУ СЦЕНАРИЮ»	355

2. ПЕРЕХОД ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ В АНГЛИИ.....	357
3. СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВОВРЕМЕННОЙ СУВЕРЕНИТЕТ.....	359
4. УНИКАЛЬНОСТЬ БРИТАНИИ: КАПИТАЛИЗМ, НОВОВРЕМЕННОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И АКТИВНОЕ УРАВНОВЕШИВАНИЕ	365
5. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИ КОМБИНИРОВАННОЕ И СОЦИАЛЬНО НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ	375
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	385
ЛИТЕРАТУРА	391

Моему отцу

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ¹

Настоящая работа представляет собой попытку теоретической реконструкции генезиса и эволюции системы европейских государств в период от империи Каролингов до раннего Нового времени — реконструкции, понимаемой как исследование архитектуры и структурной трансформации международных порядков. Первоначально автор мыслил ее как критическое вторжение в преимущественно англо-американский дискурс теории и истории международных отношений, но в ходе исследовательской работы, захватывавшей смежные дисциплины и страны, он все чаще начал обращаться к исторической социологии и историографии для адекватного (как в эмпирическом, так и в методологическом отношении) изучения своего обширного предмета. После окончания «холодной войны» работа над проектом совпала с периодом растущей неопределенности в сфере нашего объекта исследования — «международных отношений» (МО). На ключевой вопрос — вопрос о новом миропорядке — вплоть до сегодняшнего дня ответа не найдено: к такому выводу приходишь, рассматривая понятийные трупы типа «глобализация», «глобальное управление», «глобальное гражданское общество», «многоуровневое управление», «гегемония», «интернационализация государства», «империя», которые после падения Берлинской стены были порождены дискурсом МО, а затем отброшены. Но все эти понятия связаны с представлением об упадке, если не о кончине национального государства эпохи модерна и системы классического государства, которые, опираясь на международно-правовые принципы суверенитета, территориальности и равенства, со времен Вестфальского мира (1648 г.) структурировали геополитический порядок модерна².

¹ Издатели обратились к Бенно Тешке с просьбой написать предисловие к русскому изданию книги. В ответ Тешке прислал текст, служивший предисловием и к немецкому изданию [*Teschke B. Mythos 1648. Klassen, Geopolitik und die Entstehung des europäischen Staatensystems. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2007. S. 12–16*], с пояснением, что, на его взгляд, именно здесь содержится все, о чем он хотел бы поговорить с русским читателем.

² См., например: *Buzan B., Little R. Beyond Westphalia? Capitalism after the 'Fall' // Review of International Studies. 1999. Vol. 25. No. 5. P. 89–104;*

Кроме того, возникла угроза утраты МО как самостоятельной дисциплины, которая (по крайней мере в англо-американских странах) после окончания Первой мировой войны институционально выделилась из политологии и легитимировала свой статус в качестве независимой научной дисциплины, ссылаясь на свою специфическую предметную область «международного».

В контексте кризиса данной дисциплины автор рассматривает настоящую работу как вклад в начавшийся в середине 1990-х годов «исторический поворот» в МО, стремясь четче зафиксировать на понятийном уровне современные геополитические изменения. Что такое нововременное государство? Когда оно возникло и каковы его конституционные предпосылки? Когда и как возникла система нововременных государств? Как можно концептуализировать геополитические отношения в безгосударственных обществах? Но подобным обращением к истории чаще всего подтверждалось, а не подвергалось критике центральное значение, придаваемое Вестфальским мирным договором в МО. Этот миф об истоках — *fons et origo*³ международных отношений — ничуть не пострадал от значительных историографических публикаций⁴, которые в изобилии появились в связи с отмечавшимся в 1998 г. 350-летием Вестфальского мирного договора и внесли существенные разграничения в корпус исследовательских работ, а также от ревизионизма, вот уже более двух десятилетий господствующего в изучении абсолютизма⁵. Хотя в

Cox M., Dunne T., Booth K. Introduction // M. Cox, T. Dunne, K. Booth (eds). *Empires, Systems and States: Great Transformations in International Politics*. Cambridge, 2001. P. 4. См. также: Siegelberg J., Schlichte K. (Hrsg). *Strukturwandel Internationaler Beziehungen: Zum Verhältnis von Staat und Internationalem System seit dem Westfälischen Frieden*. Wiesbaden, 2000.

³ Источник и начало, источник и причина (лат.). — Примеч. пер.

⁴ Duchhardt H. (Hrsg). *Der Westfälische Friede: Diplomatie — Politische Zäsur — Kulturelles Umfeld — Rezeptionsgeschichte*. München, 1998; Idem. *Westphalian System. Zur Problematik einer Denkfigur* // *Historische Zeitschrift*. 1999. No. 269. S. 305–315; Asch R., Voß W., Wrede M. (Hrsg). *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit: Die Europäische Staatenordnung und die Außereuropäische Welt*. München, 2001; Burkhardt J. *Der Westfälische Friede und die Legende von der Landesherrlichen Souveränität* // J. Engelbrecht, S. Laux (Hrsg). *Landes- und Reichsgeschichte: Festschrift für Hansgeorg Molitor*. Bielefeld, 2004.

⁵ Последним был обзор Уильяма Бейка: Beik W. *The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration* // *Past & Present*. 2005. No. 188. P. 195–224.

исследованиях конструктивистского и постструктуралистского толка предпринималась попытка разработки более точных исторических генеалогий международных институтов, все же их авторы в основном сходятся во мнении, что абсолютистская Франция XVII в. являет собой классическую модель первого успешного опыта формирования территориального суверенитета, а статья 8.2 Оснабрюкского мирного договора (*ius foederis* и *ius belli ac pacis*⁶) по-прежнему рассматривается как юридическая кодификация переноса суверенитета на германские сословия, что якобы означало конец Священной Римской империи германской нации. В этой перспективе понятие «Вестфалия» мутирует, превращаясь в шифр, порождающий концепцию нововременного миропорядка на основе модели территориально ограниченного, политически автономного и суверенного национального государства, которому противопоставлена поствестфальская текучая, аморфная и детерриториализованная геополитическая конфигурация, лишенная фиксированного центра политической власти. В таком сценарии «Вестфалия» возвещает о начале Нового времени или модерна, а «пост-Вестфалия» — о начале постмодерна.

Книга «Миф о 1648 году» — это в первую очередь критика данной основной нормы, определяющей дисциплину, — нормы, которая структурирует периодизацию и концептуализацию международных отношений в современном дискурсе МО. Однако главное новшество не исчерпывается эмпирической коррекцией какого-то исторического недопонимания, но заключается в проекте теоретической реинтерпретации долгосрочной эволюции европейской системы государств, реинтерпретации, которая призвана теоретически прояснить структуру, способ функционирования и трансформацию различных (по конкретным историческим условиям) геополитических систем. При этом данное исследование не только дистанцируется от литературы МО, но и создает двойной интеллектуальный фронт: во-первых, против неовеберианского ренессанса в исторической социологии, который объясняет процессы образования государств, происходившей в раннее Новое время, в первую

⁶ Право вступать в союз и право начинать войну и заключать мир (лат.). — *Примеч. пер.*

очередь с помощью модели модернизационного и рационализационного давления, вызванного военной и геополитической конкуренцией; во-вторых, отмежевываясь от ортодоксального марксизма, который объясняет образование государств прежде всего коммерциализацией и заморской торговлей и утверждает, что не только возникновение нововременного государства, но и вообще существование всей системы государств — а именно, множественности государств — могут быть выведены из торгового капитализма.

В противоположность этому вводится и разрабатывается программа так называемого политического марксизма. Он подчеркивает специфику различных для конкретных регионов общественных отношений собственности, которые обуславливают характерные для них антагонистические стратегии воспроизводства и социальные конфликты. Последние приводят к большому разнообразию форм экономического развития, политического кооперирования, а также существующих геополитических связей. В итоге появляется возможность не только представить подтверждение фундаментального разброса геополитических динамик в различных режимах собственности для разных исторических эпох, но и объяснить регионально дивергирующие пути развития отдельных обществ, которые не подчиняются никакой обобщающей логике развития и тем не менее не должны отдаваться на произвол идеографическому вердикту об их случайности. И наконец, можно также показать, что европейский «плюриверсум» государств не является функцией капитализма и не может быть выведен из него, но обусловлен накопившимися последствиями средневековых и ранних новоевропейских классовых конфликтов, возникавших вокруг прав собственности и прав господства, которые в конечном счете по-разному дифференцируются на различных династических территориях. Этот феномен описывается на уровне понятий концептом политического и геополитического накопления. Таким образом, Европа как территориальный плюриверсум является историческим наследием докапиталистической эпохи, в котором капитализм позднее развивается и расширяется — первоначально в Англии. Но с возникновением отношений капиталистической собственности происходит также трансформация персонализированных прав господства в формы деперсонализированной государственности, которая заявляет о себе первично в разграничении политического — как абстрактной и публичной сферы

власти — и экономического — как частной сферы гражданского общества. Территориальное разделение «внешнего» и «внутреннего» исторически предшествует таким образом общественному разделению политического и экономического. Тем самым система государств и капитализм оказываются никак не связанными со структурным когенезисом и структурной логикой, которая должна была бы подчинить их отношения исторической инвариантности⁷. Более того, в капиталистическую эпоху они остались соотнесенными друг с другом в исторически изменяющихся конфигурациях благодаря исторически изменчивым стратегиям территориализации капиталистических государств. Ковариантность между различными проектами политического устройства пространства и капитализмом в истории нововременных международных отношений — от британского *Pax Britannica* с его фритредерским империализмом, эпохи неоимпериализма с его колебаниями между формальной и неформальной империей до протекционизма эпохи между мировыми войнами и национал-социалистической геополитики, преследовавшей цель создания автаркического экономического пространства, японского проекта формирования крупной восточно-азиатской сферы роста, вплоть до контролируемой США, однако мультилатеральной и либеральной системы свободной торговли и проекта европейской интеграции — демонстрирует широкий спектр капиталистических стратегий специализации — распространения в пространстве. Эти стратегии должны быть исторически объяснены с помощью используемого при рассмотрении социальных конфликтов подхода, основанного на теории действия и описывающего образование и реализацию геополитических стратегий, и не могут быть выведены ни из реалистической системной теории, которая опирается на механику стратегического распределения власти в анархической системе государств, ни из «логики капитала». Но это также означает, что эволюционистские гипотезы о переходе классической системы государств к безгосударственности эпохи глобализации или глобальному государству, опреде-

⁷ Так полагают, например, Джон Ругги: *Ruggie J.G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis* // R.O. Keohane (ed.). *Neorealism and its Critics*. N.Y., 1986. P. 131–157; Джастин Розенберг: *Rosenberg J. The Empire of Civil Society: A Critique of the Realist Theory of International Relations*. L., 1994.

ляемому как империя либо «глобальное управление», чересчур тривиальны и не позволяют осмыслить диалектику де- и ретерриториализации⁸.

Настоящая работа связана с теоретической программой политического марксизма, а именно с так называемым тезисом Бреннера, касающимся перехода от феодализма к капитализму, который порывает с телеологическими гипотезами ортодоксального марксизма и показывает специфику возникновения капитализма в Англии в начале Нового времени, а не просто допускает ее⁹. Столь же важны работы Хайде Герстенбергер¹⁰, которая, как и Роберт Бреннер, Эллен Мейксинс Вуд и Джордж Комнинель, на базе исторических материалов убедительно продемонстрировала, что линии развития в Англии и Франции в раннее Новое время серьезно различаются¹¹. Вместе с тем «Миф о 1648 годе» показывает и пределы политического марксизма и работ Герстенберг, которые опираются преимущественно на компаративный метод, а потому не только мало освещают международные отношения в целом, но и недостаточно учитывают в эмпирическом плане значение международных отношений для путей развития, по-разному реализующихся в различных регионах, а главное — не осмысляют его теоретически.

За четыре года, прошедшие с момента выхода первого английского издания «Мифа о 1648 годе», широкая критическая рецепция и многочисленные дискуссии продемонстрировали растущий интерес к феномену поначалу европейской, а затем и мировой системы государств в исторической перспективе, в особенности при учете генезиса и распространения капитализма. В этот период я в

⁸ См. также новую работу на эту тему: *Lacher H. Beyond Globalization: Capitalism, Territoriality and the International Relations of Modernity*. L., 2006.

⁹ *Brenner R. The Agrarian Roots of European Capitalism // The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe* / T.H. Aston, C.H.E. Philpin (eds). Cambridge, 1985.

¹⁰ *Gerstenberger H. Die Subjektlose Gewalt: Theorie der Entstehung Bürgerlicher Staatsgewalt 2. Überarbeitete Auflage*. Münster, 2006.

¹¹ См. также: *Comninel G. English Feudalism and Origins of Capitalism // Journal of Peasant Studies*. 2000. Vol. 27. No. 4. P. 1–53; по Нидерландам см. работы Бреннера: *Brenner R. The Low Countries in the Transition to Capitalism // Peasants into Farmers? The Transformation of Rural Economy and Society in the Low Countries (Middle Ages — 19th Century)* in the Light of the Brenner Debate / P. Hoppenbrouwers, J. Luiten van Zanden (eds). Turnhout, 2001. P. 275–338; *Wood E.M. The Question of Market Dependence // Journal of Agrarian Change*. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 50–87.

своей лекции по случаю присуждения мне в 2003 г. Мемориальной премии имени Исаака и Тамары Дойчер¹² сильнее подчеркивал теоретические импликации книги, касающиеся понятия «буржуазной революции» в ортодоксальной марксистской историографии, и доказывал, что идеально-типическое образование понятия, лежащее в основе конструкта «буржуазная революция», не годится для понимания специфики различных для разных стран исходных условий, особенностей протекания и последствий революционных эпох. В противовес этому я выступал за использование не обремененного историко-философскими коннотациями понятия «переходов к капитализму»¹³. Далее я подверг критике сравнительный метод, широко распространенный как у марксистов, так и у немарксистов, который исходит из предпосылки, что пути национального развития следует в принципе объяснять вне их международного контекста. Протестуя против помещения путей национального развития в геополитический вакуум, я предложил ввести понятие неравномерного в социополитическом и пространственно-временном отношении и геополитически трактуемого развития (в книге это развитие тоже характеризуется как социально неравномерное, но геополитически комбинированное), чтобы теоретически еще раз подчеркнуть динамическую взаимосвязь между внутриполитическими и внешнеполитическими силами, характерными для процессов протекания «национального» развития¹⁴. Ибо без социополитической расшифровки международных отношений и мультилатеральной дипломатии в их обратной связи с внутриполитическими процессами никакая история Европы, опирающаяся на постулат диалектической целостности, не может быть

¹² Исаак Дойчер (1907–1967) — известный польский троцкист (с 1939 г. жил в Великобритании), историк-марксист, автор трехтомного исследования о Троцком. Британская премия The Isaac and Tamara Deutscher Memorial Prize присуждается ежегодно (с 1969 г.) за новую книгу в марксистской традиции на английском языке. — *Примеч. пер.*

¹³ *Teschke B. Bourgeois Revolution, State-Formation and the Absence of the International // Historical Materialism: Research in Critical Marxist Theory. 2005. Vol. 13. No. 2. P. 3–26.* В нем. пер.: *Teschke B. Bürgerliche Revolution, Staatsbildung und die Absenz des Internationalen // Prokla: Zeitschrift für Kritische Sozialwissenschaft. 2005. Bd. 35. No. 4. S. 575–600.*

¹⁴ В связи с этим понятием см. также и новую работу: *Rosenberg J. Why is There no International Historical Sociology? // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 307–340.*

написана. В конечном счете таким же образом должны быть понятийно интегрированы социология и геополитика.

В ходе обсуждения «Мифа о 1648 году»¹⁵, материалы которого опубликованы в английском журнале *International Politics*, и в ряде рецензий¹⁶ развернулась многоплановая дискуссия по комплексу тем из области международных отношений, политической географии, истории раннего Нового времени, исторической социологии и марксизма. Повода к принципиальному пересмотру моей теоретической позиции или эмпирических реконструкций до сих пор, на мой взгляд, не выявилось. Более того, критическая рецепция предоставила мне возможность предварительно прояснить ряд неверных трактовок, уточнить основные положения и точнее изложить дальнейшую исследовательскую программу этого подхода¹⁷.

Берлин, 7 января 2007 года

¹⁵ *Spruyt H.* Genealogy, Territorial Acquisition and the Capitalist State // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 511–518; *Axtmann R.* The Myth of 1648': Some Musings of a Sceptical Weberian // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 519–525; *Agnew J.* The English Road to Modern International Relations: Benno Teschke's "The Myth of 1648" // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 526–530. См. также: *Morton A.* The Age of Absolutism: Capitalism, the Modern States-System and International Relations // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 31. No. 1. P. 495–517.

¹⁶ *Schroeder P.W.* Class and the Making of the Modern International System // *European History Quarterly*. 2005. Vol. 35. P. 119–125; *Miller S.* The Myth of 1648' // *Journal of Social History*. 2004. Vol. 38. No. 1. P. 213–215; *Little R.* The Myth of 1648 // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 535–536; *Mansbach R.* In Search of the Real State // *International Studies Review*. 2004. Vol. 6. P. 315–317; *Vanaik A.* Has Academe Got it Wrong? // *The Book Review*. Vol. 28. No. 2. P. 14–16; *Balakrishnan G.* The Age of Warring States // *New Left Review*. 2004. Vol. 26. P. 148–160; *Durchhardt H.* <http://www.sehepunkte.de/2004/03/4630.html>; *Kiely R.* The Myth of 1648 // *Journal of International Relations and Development*. 2005. Vol. 8. P. 218–221; *Agnew J.* The History of States and Their Territories // *Geopolitics*. 2005. Vol. 10. P. 184–187; *Fichtner P.S.* The Myth of 1648 // *The American Historical Review*. 2004. Vol. 109. No. 4. P. 1302–1303; *Byres T.* The Myth of 1648 // *History of European Ideas*. 2004. Vol. 30. P. 522–524; *Rabb T.* More IR Than H // *Times Literary Supplement*. 21 May 2004. P. 27.

¹⁷ *Teschke B.* Debating the "Myth of 1648": State-Formation, the Interstate System and the Rise of Capitalism — A Rejoinder // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 531–573.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга написана на основе моей докторской диссертации, защищенной на отделении международных отношений в Лондонской школе экономики и политических наук под руководством Джастина Розенберга, которому я благодарен за интеллектуальное вдохновение и неослабевающую моральную поддержку. В той академической среде, которая выступает против масштабных и долгосрочных проектов, относящихся к области социальных наук, если их экономическая прибыльность и целевая аудитория неясны, такая поддержка вовсе не может считаться само собой разумеющейся. Семинары Джастина Розенберга «Новое время и международные отношения», «Исторический материализм и международные отношения», проводимые им в ЛШЭ, задали основной контекст развития и проверки многих идей, предлагаемых в этой книге. В равной степени я весьма обязан Роберту Бреннеру, который дал проекту новый импульс и повлиял на его направленность, когда я проходил стажировку в Центре социальной теории и сравнительной истории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Мою рассуждению весьма способствовали как проницательные вопросы Саймона Бромли, заданные на докторском экзамене, так и письменные комментарии Питера Гована к моей рукописи. Свою глубокую признательность иного рода я выражаю Кристиану Хайне и Ханнесу Лахеру за многочисленные и весьма ожесточенные интеллектуальные споры в ЛШЭ. Некоторые из идей, представленных в этой книге, были коллективно развиты нами, а в работе Лахера о глобализации они были дополнительно разработаны. На мои выводы также повлияли благожелательные советы Герфрида Мюнклера, которые я получил в период исследовательской работы в Институте политической теории Берлинского университета имени Гумбольдта. Также я признателен факультету международных отношений ЛШЭ за предоставленную мне стипендию памяти Р.Дж. Винсента, а также Центру социальной теории и сравнительной истории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе за грант на исследования от Фонда Эндрю Меллона. Я хотел бы выразить благодарность Перри Андерсону, Гопалу Балакришнану, Себа-

стьяну Беджену, Алехандро Коласу, Алану Финлейсону, Фреду Холлидею, Хаджо Кромбаху, Тому Мертсу, Дилану Райли, Хеннинг Тешке, Кису ван дер Пейлю, Ачину Ванаику, Эллен Мейксинс Вуд, а также сокурсникам по ЛШЭ и Калифорнийскому университету в Лос-Анджелесе, вместе с которыми я посещал семинары. В равной мере я хотел бы признать эффективность советов и терпеливость моего издателя Тима Кларка в издательстве Verso, а также в высшей степени добросовестную редактуру Джеймса Инграма из Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке и Миранды Чейтор из Лондона. Наконец, я должен поблагодарить свою жену Мариам как за многолетнюю поддержку и ободрение, так и за бесчисленные поправки, внесенные ею в рукопись. Первоначальная версия второй главы была опубликована под заглавием «Геополитические отношения в европейском Средневековье: история и теория» в журнале «Международная организация» [*Teschke Benno. Geopolitical Relations in the European Middle Ages: History and Theory // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 2. P. 325–358*]. Отдельные части седьмой и восьмой глав публиковались в качестве статьи «Теории вестфальской системы государств: международные отношения при переходе от абсолютизма к капитализму» в «Европейском журнале международных отношений» [*Teschke Benno. Theorising the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism // European Journal of International Relations. 2002. Vol. 8. No. 1. P. 5–48*]. Я благодарен издательствам MIT Press и Sage Publications за разрешение повторно опубликовать эти статьи в переработанной форме. *Habent sua fata libelli*¹.

Эта книга посвящена фундаментальным социально-политическим и геополитическим трансформациям. Но некоторым трансформациям еще только предстоит произойти.

¹ «У книг своя судьба» — часть латинского выражения «*Pro captu lectoris habent sua fata libelli*» («У книг своя судьба, зависящая от того, как их принимает читатель»), принадлежащего римскому грамматiku Теренциану Мавру (Terentianus Maurus). — *Примеч. пер.*

ВВЕДЕНИЕ

МИФ О 1648 ГОДЕ

Империя, «новое средневековье», многоуровневое глобальное управление, республиканский мир — вот некоторые из понятий и метафор, к которым современная теория международных отношений (МО) и международная политическая экономия (МПЭ) обращаются для осмысления изменений, недавно произошедших в структуре международной системы. Сторонники различных теоретических подходов двух этих дисциплин, разумеется, редко соглашаются друг с другом относительно причин, природы и масштаба этих изменений. Если реалисты заявляют о простом сдвиге баланса сил, связанном с теми изменениями в распределении влияния между элементами системы, которые затрагивают лишь соотношение полюсов в неизменной анархической системе государств, то лагерь не-реалистов практически единодушно приходит к выводу, что традиционный суверенитет государств находится под угрозой. Классическая вестфальская система, построенная на ключевом значении современного, территориально ограниченного суверенного государства, якобы замещается посттерриториальным, постсовременным глобальным порядком. Старая логика геополитического порядка ставится в зависимость от геоэкономики, многоуровневого глобального управления или же требований международного гражданского общества, включающего множество акторов. На наших глазах разворачивается фундаментальная трансформация структуры международной системы вместе со всеми ее правилами разрешения конфликтов и сотрудничества. И хотя реалисты и нереалисты расходятся в своих оценках современной всемирно-исторической ситуации, исследователи в области МО и МПЭ едины в определении вестфальской системы государств в качестве исходной точки для изучения современной структуры мировой политики.

Неясность относительно направленности и последствий современных тенденций вынудила исследователей МО снова обратиться к более широкой проблеме общей природы трансформаций, осуществляющихся как внутри международных систем, так и при переходе от одной системы к другой. И здесь

в качестве более надежного средства для построения теории выступает история. Исторический поворот в МО создал новый список вопросов. Если суверенитет и система государств, возникшие в эпоху Нового времени, вступают в период упадка, какие уроки можно извлечь из более ранних геополитических трансформаций? Если этот новый порядок может стать угрозой для государственного суверенитета, базирующегося на принципе исключительной территориальности, являющемся основным строительным элементом межгосударственных отношений, теряет ли сама эта дисциплина свой статус независимой социальной науки, подтвержденный существованием отдельной сферы «международного»?

Обычно вопрос о формировании современного (modern) международного порядка связывается с Вестфальскими мирными договоренностями, которыми завершилась Тридцатилетняя война. Общее мнение, разделяемое и американской политической наукой, и британской теорией международных отношений, и немецкой социальной философией, состоит в том, что вестфальское соглашение выстроило европейский порядок на основе суверенных государств, придерживающихся современных принципов разрешения конфликтов и сотрудничества. Междисциплинарное и межпарадигмальное согласие относительно 1648 г. как истока современных международных отношений наделило теорию МО как дисциплину собственной направленностью, тематическим единством и исторической легитимностью. Нить подобного молчаливого согласия пронизывает все работы в этой дисциплине, переходя от одного поколения теоретиков МО к другому. Даты не способны лгать, а чем отдаленнее они от нас, тем меньше желания вскрывать их социальный контекст, социальное содержание и значение. Однако периодизация — это не невинное занятие, не просто педагогический или эвристический инструмент для расстановки меток в неразмеченном потоке истории. Такой инструмент влечет за собой предпосылки относительно длительности и содержания определенных эпох и геополитических порядков и одновременно склоняет теории МО к усвоению определенных критериев, используемых для теоретизации непрерывности или слома международных режимов. Следовательно, согласие в вопросе о современном характере 1648 г. предполагает более развернутые суждения о непрерывном существовании Вестфальско-

го порядка с середины XVII в. до наших дней. Хотя немногие специалисты по МО станут утверждать, что европейскую политику XVII в. можно напрямую сравнивать с международной политикой века XX-го, большинство согласится с тем, что фундаментальные принципы геополитического порядка не изменялись 340 лет, хотя в течение последних одного-двух десятилетий они, возможно, и были поставлены под вопрос¹.

В соответствии с этим общепринятым описанием, разделяемым в равной степени реалистами, представителями английской школы и конструктивистами, вестфальские договоренности были поворотным пунктом в истории международных отношений. После 1648 года формализованные отношения между нововременными суверенными государствами пришли на смену перекрестным отношениям между разнородными феодальными акторами, иерархические претензии которых венчались Империей и Церковью. Упрочение исключительного суверенитета, покоящегося на внутренней монополизации средств насилия, отразилось в исключительном контроле правителей над инструментами внешней политики — армией, дипломатией, договорной системой. К середине XVII в. субъектами международного права, основанного на взаимном признании и соответствующем исключении соперничающих центров власти, могли быть только правители, обладающими подобными прерогативами. Благодаря присвоению средств насилия множеством суверенов и сопутствующим этому процессу установлению системы ограниченной территориальности само поле политики было формально разбито на отличные друг от друга внутреннюю и внешнюю сферы, которые основывались соответственно на внутренней политической иерархии и внешней геополитической анархии. После вестфальского соглашения не-территориальные политические акторы — города-государства, союзы городов, феодальные сеньоры, а также иные корпоративные образования «выпали» из международной политики. Международные отношения были институционализированы благодаря постоянно

¹ В отсутствие более точного термина я пользуюсь термином «геополитика» как общим обозначением всех отношений между публичными носителями политической власти. Обсуждение особого значения немецкой традиции *Geopolitik*, существовавшей между двумя мировыми войнами, см.: [Teschke. 2001].

действующим посольствам, координирующим международные дела посредством периодических дипломатических контактов, управляемых кодифицированными и обязательными для исполнения дипломатическими протоколами. Кульминаций подобных контактов стали регулярные созывы многосторонних конгрессов. В то же самое время политический суверенитет и дискурс *raison d'État*² секуляризировали международные отношения, подорвав претензии религии как легитимирующей инстанции и уменьшив универсалистские амбиции Римской католической церкви. Разделение политики и религии, а также возникшая вместе с ним идея самоопределения, ввели принцип мирного сосуществования равных в правовом отношении членов международного общества. Он был воплощен в кодексе международного права, которым устанавливались принципы взаимного признания, невмешательства и толерантности. Универсальные концепции империи и папские стремления к нравственному верховенству в контексте *res publica christiana* уступили место балансу сил как естественному регулятору конкурентных международных отношений в многополярной анархической среде. В период между Вестфальским миром (1648 г.) и Утрехтским миром (1713 г.) международная система государств (state-system) начала приближаться к современным международным отношениям.

Со временем такая интерпретация вестфальского соглашения стала конститутивным мифом в теории МО. В противовес ей в этой книге доказывается, что 1648 г., ни в коей мере не отмечая прорыв в сторону современных межгосударственных отношений, на самом деле был апогеем эпохи формирования абсолютистского государства: он зафиксировал признание и упорядочение международных, или — если говорить более точно, — междинастических отношений абсолютистских, династических политических образований (*polities*). Однако для обоснования этого тезиса было бы недостаточно указать на внешние качества политических феноменов — суверенитет, ограниченную территориальность, множественность государств — или же на «анархию» как системный структурирующий принцип между-

² *Raison d'État* (фр.) — государственный интерес, принцип обоснования того или иного политического курса ссылкой на интересы данного государства. — *Примеч. пер.*

народного порядка. Напротив, следует вскрыть *общественные отношения суверенитета*, определившие вестфальский порядок, чтобы продемонстрировать его доновременную природу. Такая задача требует социального и исторического подхода. Неореалистская логика «анархии» практически ничего не может сказать о порождающих источниках и содержательных практиках — войнах за наследование, политических браках, династических союзах, меркантилистских торговых войнах и элиминативном равновесии (*eliminary equilibrium*) — международных отношений периода раннего Нового времени. Однако одно дело изучать современную историографию, которая исправляет эмпирические дефекты, и совсем другое — разрабатывать теоретическую схему, позволяющую по-иному задать значение 1648 г. в более широком историческом континууме эволюции европейской системы государств. Данное исследование стремится демистифицировать Вестфалию, предлагая пересмотреть развитие и динамику европейской системы государств в период с VIII по XVIII в., опираясь на диалектический историко-материалистический подход. Моя интерпретация вращается вокруг пяти следующих исследовательских осей.

1. *Сравнительная историческая социология*, которая стремится выяснить различия между разными геополитическими порядками. Если все больше исследователей сходятся во мнении, что в разные времена международная политика не управлялась одним «общим законом», значит нам нужно определить отдельные наборы «правил игры». В какой степени отличаются друг от друга международные отношения разных исторических периодов, будь то классическая эпоха, Средневековье, Возрождение, раннее Новое время, Новое время и Новейшее время? Каковы были природа и значение таких основных геополитических институтов, как политическая власть и публичная власть, война и мир, границы и территориальность, легитимация и принуждение, создание империй и геополитическая фрагментация, образование альянсов и разрешение конфликтов, в разные исторические периоды?

2. *Причинно-следственное исследование*, которое изучает фундаментальные детерминанты этих системных изменений. Как понимать связь между геополитикой, политической властью и социальными силами? Хотя сложные, масштабные макроисторические феномены непросто согласовать с социально-

научными требованиями причинно-следственной строгости и систематичности, уход в чистое описание также не является бесспорным методом. Следовательно, вновь встает задача определения причинных связей и/или оснований — или даже оснований, скрытых за основаниями, — приводимых коллективными и индивидуальными акторами для оправдания собственных действий. А это требует разработки и прояснения основных переменных объяснения, используемых в реалистском, конструктивистском и критическом направлениях теории МО.

3. *Динамический подход*, который стремится определить и теоретически объяснить главные действующие силы и процессы системных геополитических трансформаций. Является ли геополитическое изменение производным от расцвета и падения великих держав, их гегемонистских проектов и неравномерного распределения власти между конфликтующими элементами системы или же оно направляется более глубокими органическими структурами и параметрами социально-экономической истории? Рождается ли оно из процессов обучения, идущих внутри дипломатического сообщества, и соответствующих навыков искусного государственного управления или же определяется коллективными изменениями ментальности и самовосприятия коллективных акторов, а также переносом идей? Следуют ли трансформации изменениям в балансе классовых сил, которые приводят к крупным изменениям режима и реструктуризации международных порядков или же изменения классовых структур и политических режимов сами следуют геополитическому давлению и геополитическим трансформациям? Являются ли эти процессы изменений постепенными, эволюционными и практически незаметными или же они проявляют себя внезапно и неотвратно в ключевые периоды системных кризисов?

4. Исследование *хронологических и географических причин нововременных международных отношений*. Следует ли нам предположить, что можно дать адекватное концептуальное описание происхождения нововременной международной системы в терминах «сдвига от Средневековья к Новому времени» или же необходимо откорректировать эту излишне упрощенную точку зрения, доказывая наличие промежуточных этапов между и внутри различных геополитических порядков, кумулятивным эффектом которой как раз и стала нововременная геополитическая конфигурация? Если мы должны разобраться

с несколькими значительными переходами, как это повлияет на определение генезиса нововременного порядка? Если он, в противоположность общей предпосылке, складывается не в XVII в. после Вестфальского мирного соглашения, можем ли мы определить более позднюю системную цезуру, будь она договорами Раштатта-Утрехта, Венским конгрессом или даже мирным Версальским договором? Какова связь между развитием нововременного государства — и, *a fortiori*, множества государств — и капитализмом? Когда в международных отношениях началось Новое время (*modernity*)?

5. *Переоценка и проверка теорий МО* на предмет их внутренней логической обоснованности, политических выводов, объяснительной силы, оцениваемой в соответствии с историческими данными. Хотя в дидактических целях можно объединять в одну группу весьма разных исследователей, прищипливая к ним общий ярлык, различия внутри конкурирующих теоретических школ часто выражены столь же сильно, как и различия между ними. Даже если межпарадигмальное согласие вряд ли возможно, а для плюралистического научного сообщества его можно признать даже нежелательным, целью является максимальное прояснение как наших расхождений, так и пересечений, поскольку оно позволит провести конструктивную критику при оценке эмпирической точности, внутренней логичности, объяснительной силы и эпистемологических предпосылок.

Я использую два способа изложения. Во-первых, применяю сравнительный и хронологический методы для проработки и сопоставления разных исторических логик «международных» отношений, представляемых средневековой, ранненововой и нововременной геополитическими системами. Этот *сравнительный подход* позволяет нам выявить фундаментальные различия в соответствующих этим системам схемах сотрудничества и конфликта. Во-вторых, я принимаю хронологический метод, предполагающий скорее повествовательное, хотя и управляемое определенной теорией, изложение внутренней и международной динамики, повлекшей системные трансформации. Такой *процессуальный подход* позволит нам также рассмотреть ключевой вопрос причин перехода от одного геополитического порядка к другому. Однако концепция истории как процесса демонстрирует при этом, что эти трансформации никогда не были теми событиями, охватывавшими всю систему,

которые могли бы оправдать представление мировой истории в виде четкой последовательности различных геополитических порядков. Поскольку изменения государственных форм осуществлялись в региональном и хронологическом отношении весьма неравномерно, нам нужно выстроить теорию международных отношений различных сосуществующих друг с другом политических акторов в системах «смешанных акторов».

Теория МО идеально подходит для совмещения сравнительных исследований с объяснениями развития, поскольку одна из аксиом этой дисциплины состоит в том, что политические сообщества никогда не являются замкнутыми на себя единствами, ведь сами их формы и пути развития всегда уже взаимодействуют с многочисленными взаимодействиями внутри более широкой геополитической среды. Однако относительно скудный вклад, сделанный теорией МО в историческую социологию, требует привлечения литературы из других дисциплин, изучающих общее историческое развитие. В исторической социологии ключевая проблема определяется давними спорами о возникновении нововременного государства. К этой проблематике относятся все теории о средневековом и ранненовременном формировании государства, а также о возникновении нововременных экономических отношений, включая литературу о докапиталистических экономических системах и о рождении капитализма. Все они весьма тесно связаны с неовеберовской исторической социологией, которая на протяжении последних двух десятилетий создала наиболее влиятельные объяснения воздействия военной конкуренции в многополярной системе государств на формирование государства, общественные революции и общее историческое развитие. Цель не в том, чтобы выработать наиболее полную экзегезу «священных» текстов Карла Маркса, а в том, чтобы проанализировать самые свежие результаты современной историографии, когда они значимы для теории МО, рамками которой выступает диалектическое понимание исторического развития.

ОСНОВНАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Любое сочетание теории МО как социальной науки и истории должно начинаться с той посылки, что не существует всеобщего закона, который объяснял бы международное поведение во все

времена, так же, как не существует общей объяснительной теории истории. Однако такой тезис не служит оправданием для методологического плюрализма, интеллектуального отречения в пользу предельной случайности и отступления к насыщенным повествовательным описаниям. Задача — определить социальный праксис, формирование, разрушение и перестройка которого опосредуют метаболизм взаимодействующего с природой человечества, задействуя в первоочередном порядке политику и геополитику, то есть определить общественные отношения собственности. Мой основной теоретический аргумент, развитый благодаря разработке принципов политического марксизма, состоит в том, что формирование, работа и трансформация геополитических порядков обосновываются изменяющейся природой составляющих их единиц³. Общественные отношения собственности, опосредующие отношения между крупными классами, первоначально определяют *формирование* и природу этих политических единиц. Вписанные в определенные временные рамки балансы сил находят выражение в политически выстроенных институтах — окаменелых праксисах, которые задают параметры специфичных для данных классов и потому антагонистичных правил воспроизводства. Политические институты фиксируют режимы общественных отношений собственности, предоставляя правила и нормы, а также силу и санкции для воспроизводства исторически специфичных классовых отношений. Стратегии воспроизводства, в свою очередь, определяют внутренние и международные отношения, выступая обоснованием для различных *способов действия* разных геополитических порядков. Хотя политически выстроенные режимы собственности институционализируют социальные конфликты и задают пределы специфичных для определенных классов стратегий, во времена общих кризисов они сами могут оспариваться.

Однако невозможно наложить на исторические данности трансисторическую теорию общего кризиса. Напротив, усло-

³ К основным текстам этой парадигмы относятся: [Brenner. 1977, 1985a, 1986, 1989, 1993, 2001; Wood. 1991, 1995, 2002; Comninel. 1987]. См. также: [Андерсон. 2006; Андерсон. 2010; Gerstenberger. 1990; Rosenberg. 1994]. В метатеоретическом смысле теория отношений общественной собственности совместима с диалектическим мышлением; см.: [Heine, Teschke. 1996, 1997; Teschke, Heine. 2002]. Ключевыми текстами по диалектике являются: [Kosik. 1976; Bernstein. 1972; Schmidt. 1981].

вия, общий ход и исходы этих кризисов могут быть установлены только в историческом исследовании. История не телеологична, но в ретроспективе она интеллигибельна. *Геополитические трансформации* управляются изменчивым, но не случайным разрешением тех социальных конфликтов, которые порождают новые режимы собственности и отношения власти, фиксируя новый *status quo* посредством выработки новых правил и норм его воспроизводства. Изменения режимов собственности реструктурируют природу политических сообществ, присущие им формы конфликта и сотрудничества. Поддержание правил и обсуждение правил — с применением насилия или без него — это активные сознательные процессы, осуществляющиеся как внутри государств, так и на международном уровне.

На протяжении всего данного текста эта элементарная теоретическая идея будет называться *теорией общественных отношений собственности*. Эта альтернативная отправная точка порождает серию содержательных результатов, которые ставят под вопрос центральные посылы теории МО и исторической социологии.

СТРУКТУРА РАССУЖДЕНИЯ

Следствия теории общественных отношений собственности для теории МО и исторической социологии развиваются в восьми главах. В первой главе дается обзор шести влиятельных в среде МО интерпретаций исторического развития европейской системы государств. Она начинается с краткого описания антиисторических посылок неореализма и его неспособности осмыслить системные геополитические трансформации и изменения в международном поведении. Затем в ней дается критический обзор двух новаторских конструктивистских теорий, которые исходят из той посылки, что международные системы не могут быть отделены от истории. Главную проблему теории МО они видят в возникновении и возможном преодолении нововременной международной системы. Далее в главе оцениваются сильные и слабые стороны недавно возникшей неомарксистской интерпретации. В ее заключении кратко обсуждается то, как переоформить наш теоретический подход, чтобы появилась возможность изучения проблемы долгосрочной и широкомасштабной трансформации геополитических порядков. Цель —

поддержать исторический поворот в теории МО, выработав критическую теорию международных отношений.

Вторая глава начинается с реконструкции истоков и развития европейской системы государств, что требует выработки критического отношения к продолжающемуся в среде теории МО спору о Средневековье. Теория общественных отношений собственности развивается здесь благодаря сравнению и сопоставлению взглядов Макса Вебера и Карла Маркса на отношение между политическим и экономическим; здесь же мысль Маркса о докапиталистических обществах встраивается в новую концепцию, опирающуюся на работы Роберта Бреннера. Затем на этом основании в главе выстраивается новая интерпретация средневекового геополитического порядка. Рассуждение сводится к тому, что отношения условной феодальной собственности управляли противоречивыми стратегиями воспроизводства двух главных классов (феодальных сеньоров и крестьян). Эти стратегии определяли территориальные и административные свойства средневековой политической организации как совокупности сеньорий, также они объясняют экономический застой и вскрывают характер средневековой геополитики как военной культуры, движимой систематическим реинвестированием в средства принуждения и (гео)политическое накопление. Феодальная геополитика объясняется не системой-структурой (анархия/иерархия) или же модусами территориальности, а именно общественными отношениями собственности.

Третья глава обращается к истории общественных отношений сеньорий. Начинается она с краткого описания проприетарного основания империи Каролингов, затем в ней выстраивается теория перехода от имперской иерархии к феодальной фрагментации в период кризиса начала тысячелетия, ставшего результатом изменений классовых отношений. Далее дается объяснение центробежного движения в XI в., состоявшем из четырех элементов (норманнское завоевание, немецкое *Ostsiedlung*⁴, испанская реконкиста и крестовые походы), как результата земельного дефицита у бывших франкских рыцарей, случившегося после установления права первородства, ограничившего доступ знати к политическим средствам присвоения. Затем в главе показыва-

⁴ *Ostsiedlung* (нем.) — поселение на востоке, обозначение германской колонизации Восточной Европы. — *Примеч. пер.*

ется, как возрождение городов в XII в. было связано с феодальными классовыми отношениями и почему растущая торговля между городами не стала ни капиталистическим явлением, ни двигателем европейского «экономического взлета». В заключении дается теория новой консолидации феодальных королевств в период Высокого Средневековья как процесса геополитического накопления, также демонстрируются средневековые начала расходящихся траекторий формирования государства/общества во Франции и в Англии — эти линии развития заложили территориальные параметры Европы как многоакторной системы государств.

В четвертой главе историческая реконструкция прерывается ради нескольких теоретических пояснений фундаментального характера. Она начинается с оценки трех влиятельных историко-социологических теорий перехода к Новому времени — неовизантистской геополитической модели конкуренции, неомальтузианской демографической модели и неомарксистской модели коммерциализации. Утверждаю, что все три модели неудовлетворительны как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении. Затем, опираясь на работы политических марксистов, я развиваю альтернативную концепцию капитализма, которая демонстрирует связь между капиталистическими общественными отношениями собственности и собственно нововременным государством. Также обращаю особое внимание на то, что, хотя нововременное государство включено в капиталистическое отношение, нововременная система государств (множественных территорий), в которой позднее возник капитализм, была наследием классового конфликта внутри правящего класса докапиталистических правителей. Принимаемая здесь концепция капитализма порывает с тем общепринятым взглядом, что развитие капитализма было общесистемным и общеевропейским событием, движимым возрождением городов и распространением торговли (либо в XII, либо в XVI в.). Отвергая неосмиттовские послышки, которые лежат в основе значительной части литературы, посвященной распространению капитализма, я утверждаю, что экономическое и политическое развитие в средневековой и ранненовоявременной Европе было весьма неоднородным в региональном отношении, особенно во Франции и в Англии, что привело к весьма различным отношениям государства и общества, которые имеют ключевое значение для понимания при-

роды и динамики ранненовременных и современных систем государств. Эта совокупность тезисов задает новую отправную точку для осмысления неравномерного перехода к экономическому и (гео)политическому Новому времени.

В пятой главе на основе достигнутых результатов историческая реконструкция завершается благодаря исследованию развития и природы абсолютизма во Франции — главном государстве, подписавшем Вестфальский мир. Я начинаю с обзора регионально дифференцированного перехода от феодализма к абсолютизму и исследую связь между сохранением докапиталистических общественных отношений собственности, экономическим застоєм и логикой персонализированного династического суверенитета. Затем мною показана картина явно доновременной природы основных абсолютистских институций — продажи должностей, постоянной армии, налогообложения, правовой системы и природы войн, приводящая к заключению, что воинственная природа абсолютистских государств была крайним выражением политических стратегий накопления, укорененных в режиме общественных отношений собственности, характеризуемом государством налогов/постов, получающим от крестьянства, владеющего средствами собственного выживания, принудительно извлекаемую ренту. Абсолютизм, вовсе не подготавливая переход к капитализму, укрепил докапиталистические аграрные режимы собственности посредством чрезвычайного по объему налогообложения, которое ограничивало производительность и технологический прогресс. Связь между докапиталистическим режимом собственности и карательным налогообложением периодически подрывала и в конечном счете истощала производительные силы французской аграрной экономики, которая на протяжении всего ранненовременного периода продолжала управляться типично докапиталистическими эко-демографическими циклами. В то же время абсолютизм вызвал гипертрофированный рост дисфункционального, небюрократического государственного аппарата, нацеленного на войны вовне страны и принудительное изъятие прибавочного продукта внутри нее. Абсолютистское государство не было новременным, рационализированным или «эффективным». В заключении главы утверждается, что «Старый порядок» не только был совершенно неновременным — его общественный режим собственности препятствовал переходу и к капита-

лизму, и к рационализированному государству. В долгосрочной перспективе слом абсолютистского наследного государства на-логов/постов был спровоцирован «извне», первоначально задаваясь экономическим и военным давлением со стороны капиталистической Британии.

В шестой главе исследуется природа и динамика ранненово-временной международной политической экономики, что приводит к критике тезиса, согласно которому «долгий XVI век» учредил нововременную миросистему. Рассуждение сводится к тому, что и торговые империи итальянских городов-государств, и меркантилистские империи ранненововременных династических государств при получении коммерческой прибыли зависели от территориальной демонстрации политической и военной власти. Это породило логику игры с нулевой суммой, присущую милитаризованным международным торговым монополиям, которые препятствовали устойчивому экономическому росту. Экономическое создание империй и властно-политический охват оказались равнообъемными и потому несоизмеримыми с капиталистической логикой экономической конкуренции, управляемой ценовым механизмом, реализуемым свободной торговлей на открытых рынках. Социальная логика меркантилизма базировалась на «обращенном в прошлое» классовом альянсе раздающих привилегии монархов и привилегированных купцов, собирающих и распределяющих прибыли от неравных обменов. В заключении главы говорится о том, что капитализм был не результатом распространения торговли, подталкиваемой торговым капитализмом или меркантилизмом, и что международная экономика XVI в. оставалась тесно связанной с архаическими коммерческими практиками в духе «купить подешевле — продать подороже».

В седьмой главе проводится критика основного мифа теории МО, гласящего, что с вестфальского соглашения началась эра нововременных международных отношений. В главе развивается объяснение междинастических отношений в период Вестфальской эпохи, основывающееся на доказательстве неново-временной природы династического суверенитета. Здесь показывается, как и почему династический суверенитет выражался серией «непонятных» практик геополитического конфликта и сотрудничества, специфичных для ранненововременного геополитического порядка. Логика международных отношений ха-

рактизовалась династическими союзами, скрепляемыми королевскими и аристократическими политическими браками и разрываемыми войнами за престолонаследие. Территории оставались приложениями к планированию королевских браков и войнам за престолонаследие. Хищническая логика династического равновесия была несовместима с реалистским балансом сил. В заключении главы дается новая текстуальная интерпретация пунктов вестфальских мирных договоренностей, которая демонстрирует, каким образом 1648 г. стал выражением и кодификацией социальных и геополитических отношений абсолютистского суверенитета.

В последней главе доказывається, что начала нововременных международных отношений связаны с развитием капитализма в ранненововой Англии. Однако, не предполагая внезапного «структурного разрыва», постигшего логику международных отношений при переходе от ранненововой к нововой геополитике, я, скорее, подчеркиваю странную комбинацию различных государственных/общественных комплексов в ранненововой Европе, которые должны быть теоретически осмыслены как «смешанный» сценарий. Сначала выписывается влияние становления аграрного капитализма в Англии на трансформацию английского государства XVII в., ставшую сдвигом от династического суверенитета к парламентскому, закрепленным Славной революцией 1688 г. Затем я показываю, каким образом принятие нового постреволюционного и парламентского курса внешней политики — политики «открытого моря» — было связано с реорганизацией экономической и политической власти в Британии и как оно привело к отмене докапиталистических императивов геополитического накопления. Затем я извлекаю соответствующие следствия для европейской геополитики XVIII в. Мой аргумент состоит в том, что заданный Британией баланс сил установился в «смешанной» системе государств, на фундаментальном уровне все еще определяемой докапиталистическими государствами, занимающимися геополитическим накоплением. Активная балансировка сил привела к тому побочному эффекту, что государства стали сталкиваться друг с другом до тех пор, пока не истощились в военном и экономическом отношениях. Хотя эндогенное развитие капитализма было характерным только для Англии, его распространение не являлось транснациональным, а стало *геополитически опосре-*

дованным процессом, который превратил династические государства континента в нововременные государства, вынужденные пройти путь комплексного в геополитическом отношении и неравномерного в социально-политическом смысле развития. Европу интересовало главным образом управление модернизирующим давлением, создаваемым британским комплексом государства/общества, который поставил европейских соседей в *невыгодное в плане конкуренции и экономики положение*. Это вынудило управляющие государством классы применить контрстратегии, которые привели к цепочке «революций сверху», то есть к введению капитализма. Этот долгий период трансформации длился в Европе с 1688 г. по Первую мировую войну, а в остальном мире — и после. Международные отношения в этот период были не нововременными, а *модернизирующимися*. Однако хотя распространение капитализма оказало широкое влияние на классовые и режимные изменения в Европе (переход от абсолютизма к капитализму и от династического суверенитета к нововременному), оно не могло изменить территориальной раздробленности Европы как геополитического плюриверсума. Многие территории были явным результатом конфликтов докапиталистических правящих классов. Но именно этому докапиталистическому наследию могут сегодня угрожать глобализация и глобальное управление независимо от того, как именно они реализуются — в имперско-односторонней или многосторонней форме.

В заключении подводятся итоги исследования и выводятся более обширные следствия для теории МО и исторической социологии. Также дается набросок программы исторического и теоретического исследования, подчиняющейся тому динамическому подходу, что был развит в предыдущих главах. Такая программа стремится осмыслить политически и интеллектуально вредоносное воздействие «рационализма» теории МО и защищает диалектику как верную метатеорию осмысления международных отношений.

І. Начала и эволюция нововременной системы государств: спор в теории международных отношений

1. ВВЕДЕНИЕ: ОТ СТРУКТУРЫ К ИСТОРИИ

Попытки ввести историческое измерение в теорию МО чаще всего блокируются методологическими параметрами неореализма, сохраняя признаки специфических принципов последнего. Начну с обсуждения антиисторической природы неореализма и критики самореферентной логики его теоретических построений. Затем попытаюсь показать, что последующая интеллектуальная траектория историзации теорий МО определяется постепенным теоретическим освобождением от понятийных структур неореализма. Обратное соотношение между интеллектуальной преданностью основной теории МО и объяснительной силой проясняется на примере историзирующего реализма Роберта Гилпина, интерпретации вестфальских мирных договоренностей, осуществленной Стивеном Краснером, историзирующего конструктивизма Джона Джерарда Рагги, неозволюционной исторической социологии Хендрика Спрута и марксистской теории Джастина Розенберга. Четыре первых автора, представляющих достаточно широкие течения в современной теории МО, либо принадлежат традиции реализма/неореализма, либо борются с ней. И если Гилпин стремится обогатить реализм, включив теорию рационального выбора, объясняющую социальное действие и изменение, в, по существу, системную теоретическую схему, то Стивен Краснер разлагает вестфальский порядок на серию исторических случаев, которые не поддаются теоретическому осмыслению. Поэтому он заново утверждает реализм в качестве единственной осмысленной теории МО. И если Рагги осуществляет последовательный сдвиг в сторону социального конструктивизма, Спрут с самого начала принимает позиции постнеореалистического конструктивизма. Эта интеллектуальная традиция заканчивается на Джастине Ро-

зенберге и его сильной марксистской теории, прямо атакующей объяснительную слабость реализма и его идеологическую нечистоплотность. При столкновении с конкретными историческими вопросами теория МО вынуждена диверсифицировать и расширить свои методологические установки.

Благодаря критическому анализу этого процесса смены парадигмальной ориентации мы увидим, что вся область теории МО сместилась от жесткого позитивизма, делавшего особый акцент на структуре, к более широкой социальной и, в конечном счете, критической теории макроисторических процессов. В этом смещении академическая теория МО прошла через глубокую самокритику собственных методов, наладив связи с современной социальной наукой. Однако эта реструктуризация столкнулась с теоретическими и эмпирическими проблемами. Хотя исторический поворот в МО привел к отказу от позитивистской фактичности неореализма, широкомасштабной и охватывающей большие исторические промежутки теории, которая убедительным образом совмещала бы сравнительный подход с систематическим исследованием системных трансформаций, так и не появилось.

Но почему же история, несмотря на литературу о «международном обществе» (International Society), связанную с «Английской школой», была вычищена из современной теории МО? Почему теория МО в тени гегемонии неореализма превратилась в дисциплину без истории?

2. СТРУКТУРНЫЙ НЕОРЕАЛИЗМ

Кеннет Уолц: история как вечная структура

Решительно разорвав с донучными моралистическими предпосылками классического реализма, Кеннет Уолц в качестве абсолютных пределов международной политики указал на доминирующие императивы анархии, являющиеся фундаментальным структурным принципом международной системы. С этой точки зрения качественные трансформации систем сводятся к чередованию двух структурных принципов — анархии и иерархии [Waltz. 1979. P. 114–116]. Этот шаг дал сомнительное преимущество: он ограничил историю двумя рубриками. Пока система государств содержит множество функционально не-

различных акторов, преобладает анархия; как только выделяются империи или иные формы центральной власти, начинается иерархия. Хотя Уолц допускал, что внутри системы могут происходить изменения, обусловленные распределением власти между ее элементами, они сводились лишь к переходам от многополярности к биполярности, не затрагивая глубинную логику анархии. В подобной системе выживания элементы вынуждены вести себя, полагаясь лишь на собственные силы и при этом пытаясь максимизировать собственную власть. Баланс сил и создание союзов приносят стабильность, безопасность и порядок¹. Жесткие поведенческие закономерности выводятся из доминирующей логики анархии. Политика балансирования, а не присоединения к лидеру, должна иметь место в случае выраженной властной асимметрии между государствами. Структуралистская модель Уолца, хотя в ней и признаются внутренние причины изменений властных возможностей, не может сказать ничего определенного относительно будущего или прошлого, если отбросить сохранение самой анархии, то есть в смысле исторического объяснения она бессильна. При объяснении того, почему один актор выбрал в определенной ситуации вариант создания союза, а другой — войну, она полагается на «внешние переменные» [Waltz. 1988. Р. 620]. Обе крайности (как и бесконечное число промежуточных решений) приемлемы, пока благодаря балансу сил выполняется системная цель равновесия. Выживание системы важнее выживания любого из ее компонентов.

Благодаря таким предпосылкам история перестает быть проблемой. Анархия в причинном отношении сужается до факкультативной причины, иерархия заслоняет саму потребность

¹ Теория систем Уолца, конечно, подкрепляется микроэкономической теорией свободного выбора в условиях свободного рынка. Хотя и классическая политическая экономия, и неореализм укоренены в либеральных традициях мысли, гармония как баланс работает на основе встроенной предпосылки, утверждающей, что целые национальные государства могут исчезнуть в процессе «динамического приспособления» точно так же, как и отдельные фирмы. В самом деле, Уолц приходит к выводу, что оптимум безопасности достигается в биполярной ситуации, то есть в исторической констелляции, неслучайно совпадающей с дуополистическим состоянием советско-американских отношений во времена публикации книги, так что ее вывод похож на толкование Панглосса.

в теории МО, а вариации на уровне отдельных элементов не вызывают вариации на уровне наблюдаемых результатов. Уолц лаконично заявляет: «Логика анархии не изменяется в зависимости от своего содержания... Логика анархии выполняется независимо от того, из чего состоит система — из племен, наций, олигополистических фирм или уличных банд» [Waltz. 1990. Р. 37]. Аргумент в пользу истории как извечно анархической структуры кажется вполне завершенным.

Внутренняя связность аргументации Уолца кажется безупречной. Критика заранее устраняется благодаря определению того способа задания теории, которого придерживается Уолц: «Теории должны оцениваться внутри тех рамок, в которых действуют их объяснения» [Waltz. 1979. Р. 118]. В результате этой стратегии иммунизации вопросы, нацеленные на проблемы, которые не попадают в поле действия неореалистических объяснений, исторгаются вовне и обесцениваются [Halliday, Rosenberg. 1998. Р. 379]. Поэтому критика должна сначала и главным образом идти на метатеоретическом уровне. Отмычкой к теоретической башне Уолца оказывается исследование герметичной, самореферентной эпистемологической структуры неореализма, которая в качестве априорного определения приписывается нормальной теории МО. Уолц выделяет свою собственную область исследования (международную систему), отмежевывая ее от всех иных областей человеческой деятельности, вводит макроэксплананс (анархию), дедуцирует международную политику из ограничений, налагаемых этим экспланансом, а все остальные подходы обвиняет в том, что они не соответствуют его определению «научной» теории МО². Исключение человеческой воли (сознания, выбора, курса действий) и отрицание самой возможности разных результатов задает критерий научного статуса неореализма. Поэтому часто цитировавшееся высказывание Уолца — «устойчивый характер международной политики объясняет поразительное постоянство качеств международной жизни на протяжении тысячелетий» [Waltz. 1986. Р. 53] — представляется не столько результатом исторических наблюдений, сколько следствием теоремы, наложенной на исто-

² Тогда как неореализм образует науку, остальные теории, рассматривающие те же самые вопросы, низводятся до уровня философии или исторической интерпретации [Halliday, Rosenberg. 1998. Р. 381–382, 386].

рические данные, но не проверенной ими. Поскольку человеческое поведение выводится из анархической логики системы, навязывая проблему рационального выбора, рассогласование с теорией не фальсифицирует неореализм; скорее, оно определяется в качестве несистемного, нерационального и потому вне-теоретического поведения³. Система карает отклонение, но отклонение не карает теорию. Это естественно переворачивает с ног на голову научные стандарты подтверждения и логики. «Поведенческие аномалии» не заставляют Уолца откорректировать неореализм так, чтобы он учитывал «иррациональное» и при этом целенаправленное поведение; они просто выбрасываются из поля рассмотрения, что позволяет сохранить статус неореализма. Никакое число эмпирических случаев никогда не сможет опровергнуть или подтвердить его теоремы; все рассуждение в нем принимает круговой характер, становясь аутореференциальным и самоподтверждающимся. Международная политика объективируется, история замораживается, а теория реифицируется: *mors immortalis*!⁴

Фундаментальной ошибкой неореализма является утверждение анархии (в отсутствие мирового правительства) как транс-исторической данности. Анархия выступает в качестве некритически принимаемого исторического условия собственного превращения в теоретический принцип. Анархия как история и анархия как теория сплетаются воедино, оставляя одну лишь тавтологию: анархия преобладает всякий раз, когда выполнены условия ее существования. Соответственно, для критики неореализма естественно начать с перехода к историческим условиям анархии, то есть с теории формирования нововременной системы государств. Этот переход, организующий логику исследования, снова наделяет историю статусом законного и необходимого для теории МО исследовательского поля. В то же время он

³ Миршаймер допускает то же самое переворачивание опытного доказательства и валидности теории, когда замечает, что поведение государства, не соответствующее структурному реализму, является «глупым» и, следовательно, представляет собой теоретическую «аномалию» [Mearsheimer. 2001. P. 10–12].

⁴ Маркс язвительно отметил, что «непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения — “бессмертная смерть”» [Маркс, Энгельс. Т. 4. С. 133].

отменяет оправдание неореализма как «не-редукционистской» теории, в которой бремя причинно-следственного объяснения поведения государств лежит исключительно на системе как первичном уровне детерминации. Анархию нужно историзировать.

3. ИСТОРИЗИРУЮЩИЙ РЕАЛИЗМ

Роберт Гилпин: изменение как рациональный выбор

Роберт Гилпин выдвигает реалистическую теорию международных изменений, которая исходно не подпадает под действие теоремы Уолца о каузальном преобладании структуры, не разделяет его аксиомы трансисторичности анархии и не прибегает к скучным антиисторическим объяснениям. В результате объединения теории рационального выбора и структуралистской системной теории главной в его работе «Война и изменения в мировой политике» становится проблема международных изменений. Однако несмотря на этот сдвиг, в своих окончательных выводах Гилпин сходится с Уолцом, утверждая, что «природа международных отношений на фундаментальном уровне не менялась на протяжении тысячелетий» [Gilpin. 1981. P. 211].

Как обосновывается это утверждение? Гилпин различает три типа изменений, ранжируемых по росту их частотности и по уменьшению их структурного влияния. *Изменение системы* — это «изменение природы акторов или иных элементов, которые составляют международную систему». *Системное изменение* означает изменение «формы контроля или управления международной системы». *Международное изменение* — это изменение «формы регулярных взаимодействий или процессов между элементами актуальной международной системы» [Gilpin. 1981. P. 39–40]. Первое означает изменение самой системы, второе — изменение внутри системы, а третье — изменение способов взаимодействия в данной системе. В своей работе «Война и изменения в мировой политике» Гилпин основное внимание уделяет двум первым типам трансформации.

Мировая история делится на доновременной цикл империй и нововременную систему баланса сил национальных государств, для которой характерна смена одних гегемоний другими, например *Pax Britannica* был сменен *Pax Americana*. Разрыв произошел в XVII в. Гилпин заявляет, что им разработана уни-

версальная теория, объясняющая динамику, управляющую циклами империй, развитием в позднем Средневековье нововременного национального государства и нововременной сменой гегемоний. Его подход, за исключением некоторых осторожных оговорок, предполагает модель, выстроенную в рамках строгой теории рационального выбора, прилагаемой как к изменению системы, так и к системному изменению [Gilpin. 1981. P. 74–75]. В первом случае коллективные акторы начинают стремиться к оптимизации своей политической организации, как только они замечают расхождение между выгодой и издержками на поддержание *status quo*. Во втором случае «государства» стремятся изменить управление системой, пока не устанавливается равновесие между ожидаемой выгодой и издержками от дальнейших изменений [Gilpin. 1981. P. 10–11]. Исходный мотив, скрывающийся за их нарушающими равновесие амбициями, обеспечивается дифференциальным ростом возможностей применения силы, который сам является функцией изменяющихся внешних (технологических, военных и экономических), а также внутриполитических факторов. Разрыв между новым распределением сил и направленными на поддержание системы интересами доминирующей силы порождает геополитический кризис, который в обычном случае разрешается войной за гегемонию. Такие войны восстанавливают равновесие на основе нового *status quo*, регулируемого новым гегемоном.

Как эта модель изменения, обосновываемая подсчетом выгоды и издержек, связанных с преследованием собственных интересов, переводится в историческое объяснение циклической смены империй (то есть системного изменения) и трансформации средневековой геополитики в нововременные международные отношения (изменения системы)?

Рассмотрим сначала цикл империй. Гилпин начинает с того, что связывает возникновение и падение империй непосредственно с их экономическим устройством. «Принципиальным детерминантом этого цикла империй была поддерживающая их общественная формация, определяемая сельским хозяйством. В период эры империй... благосостояние обществ и сила государств покоились на эксплуатации крестьянского и рабского труда в сельском хозяйстве» [Gilpin. 1981. P. 111]. Затем он переходит к выведению доминирующей динамики имперского расширения из этого экономического базиса.

Фундаментальной чертой эры империй была относительно постоянная природа благосостояния. В отсутствие заметных технологических прорывов аграрная производительность оставалась на достаточно низком уровне, а главным определяющим фактором экономического роста и благосостояния была доступность земли, а также соотношение земли и населения. По этой причине рост благосостояния и власти государства был главным образом связан с контролем, осуществляемым над той территорией, которая могла дать экономический прибавочный продукт. Если исключить ограниченные и непродолжительные периоды реального экономического роста, динамика международных отношений определялась постоянным дележом территории и захватом рабов (или покорного крестьянства), необходимых для заселения земель. Поэтому пока сельское хозяйство оставалось базисом благосостояния и силы, рост силы и благосостояния был почти всегда синонимом завоевания территории [Gilpin. 1981. P. 112].

Итак, сельское хозяйство, основанное на труде рабов и крепостных, порождает систематическую потребность в горизонтально-территориальном расширении, управляя динамикой доновременных имперских международных отношений.

Однако Гилпин не извлекает дальнейших выводов из связи между максимизацией прибавочного продукта и территориальным расширением. Цепочка причинно-следственной детерминации не идет от специфической экономической структуры к специфической форме государства, выражаясь в специфической геополитической динамике. Напротив, имперское территориальное расширение — это побочный эффект природы имперских командных экономик, в которых безопасность важнее экономических интересов.

Поскольку империи создаются военными, бюрократами и автократами ради достижения их собственных интересов, первичная функция имперской экономики — увеличение благосостояния и власти этих господствующих элит. Экономика и экономическая деятельность подчинены соображениям безопасности, а также экономическим интересам государства и правящей элиты. Главная функция экономического обмена — повышение боеготовности государства [Ibid.].

Получается, что отсутствие роста аграрной производительности и технологического прогресса не являются необходимыми

следствиями трудоемких, основанных на рабском и крепостном труде способов производства, которые препятствуют систематическому инвестированию в производство, подталкивая к территориальному расширению. Скорее экономическое развитие является производной от связанных с безопасностью интересов военных элит. Следовательно, само существование имперских командных экономик и стратегий территориального расширения представляется решением случайной проблемы экономического и технологического дефицита — решением, отстаиваемым воинственными элитами. Благодаря такому перевертыванию причин и следствий, реалистический примат политической и военной силы снова восстанавливается.

Как в таком случае рождаются и умирают доновременные империи? Не пытаясь сопоставить свою модель с отдельными примерами падения империй, Гилпин просто заново выводит свой основной тезис о «военном перенапряжении»: затраты на военную безопасность растут быстрее, чем экономический прибавочный продукт, порождаемый территориальным расширением [Gilpin. 1981. P. 115]. Оставаясь на этом уровне обобщений, Гилпин не способен объяснить момент, обстоятельства и исход того или иного конкретного случая подъема империи или ее упадка.

Обратимся теперь к логике изменения системы. Замещение доновременного цикла империй системой нововременных государств произошло в результате трех «взаимосвязанных» и «усиливающих друг друга» тенденций: триумфа национального государства, возникновения устойчивого экономического роста и рождения мирового рынка. Национальные государства возникли потому, что они были «наиболее эффективной формой политической организации для того набора внешних условий, которые возникли в ранненовременной Европе» [Gilpin. 1981. P. 116]. Соответственно, политически фрагментированная феодальная система стала возможна вследствие отсутствия ряда вещей; Гилпин выделяет отсутствие международной торговли и слабость центральной политической власти, замыкая свою аргументацию в круг. Когда эти дефициты были устранены «между 900 и 1700 гг.» [Gilpin. 1981. P. 118], правители ответили на стимулы, данные возрождением торговли и «Военной революцией», покрыв растущие военные затраты расширением налогооблагаемой базы и определив «оптимальный размер» в терминах

военной и экономической эффективности. Одновременно началась конкуренция между оптимизирующими масштаб элементами, в которой недостаточно оптимальные акторы — например феодальные землевладельцы, города-государства и империи — были вытеснены. К XVII в. родилось нововременное государство, характеризуемое классическими вестфальскими свойствами: строгая центральная власть, отправляемая бюрократией на основе единообразных законов, осуществляет исключительный контроль над строго определенными непрерывными территориями, пользуясь при этом монополией на легитимное применение силы [Gilpin. 1981. P. 121–122]⁵.

Насколько убедительным является это описание происхождения нововременной системы государств и как оно согласуется с гилпиновским подходом публичного выбора? Во-первых, описание изменение системы начинается у Гилпина с весьма спорного утверждения:

...существуют локальные общественные формации первобытно-общинного, феодального и просто мелкотоварного типа. Такие экономики характеризуются неспособностью общества породить достаточно большой экономический прибавочный продукт, необходимый для инвестирования в экономическую или политическую экспансию; часто подобные экономики вообще не выходят за пределы задачи простого выживания. Например, такова ситуация большинства племенных обществ; те же условия были и в феодальной Европе до возрождения международной торговли в XII–XIII вв. Поскольку подобные локальные типы обществ редко играют значительную роль в международных политических изменениях, здесь они подробно рассматриваться не будут [Gilpin. 1981. P. 108–109].

Эта гипотеза противоречит тому, что Гилпин говорил раньше о связи экономического прибавочного продукта и территориального завоевания внутри основанных на крепостном аграрном труде империй. История полна примерами безостановочного феодального геополитического расширения — Каролингская империя, Ангевинская держава, Германская империя при Оттонах, Салической династии и Штауферах. Постоянство феодальной экспансии было при этом неслучайным; как будет показано

⁵ Согласно Гилпину национальное государство возникло в XVI в. (см.: [Gilpin. 1987. P. 4]).

позже, такая экспансия была встроена в режим общественных отношений собственности феодальных политических образований, выражая их *raison d'être* как военных культур. Эти феодальные империи расширялись не потому, что их экономический прибавочный продукт был достаточно большим для его вложения в военную сферу, а потому что пределы роста производительности в трудоемких, основанных на крестьянском труде аграрных экономиках сделали завоевание территорий вторым — после усиления внутренней эксплуатации — из наиболее рациональных способов увеличения дохода феодальных сеньоров.

К тому же, если классовые противоречия феодальных обществ порождали систематическое стремление к горизонтальной территориальной экспансии, средневековые общественные режимы собственности тяготели к порождению циклических неомальтузианских кризисов, опосредуемых изменением соотношения земли и рабочей силы. Наиболее известным из них стал общий кризис XIV в., ключевое значение которого для формирования «нововременного» государства позже признается и Гилпином. Отвергая феодализм в качестве объяснительного фактора изменения международной политики, Гилпин теряет возможность показать, как возникновение ранненовременной системы государств связано с лежащей в основе феодальной системы динамики кризисов, кульминацией которой стал кризис XIV в.

Недостаток внимания к вопросу феодализма не остается безнаказанным. Фоновые условия, необходимые для триумфа национального государства — кризис феодализма, возрождение торговли, рост монетарной экономики, «военная революция», — на теоретическом уровне остаются отделенными от феодальной экономики. Они вводятся как «набор условий среды», которые действуют извне. Это теоретическое отторжение условий, внутренних для процесса формирования ранненовременного государства, противоречит амбициозной исследовательской позиции Гилпина:

характер международной системы в значительной степени определяется типом государства-актора — городами-государствами, империями, национальным государствами и т.д. Фундаментальная задача теории международных политических изменений — изучить факторы, которые влияют на тип государства, характерный для определенной эпохи и международной системы [Gilpin. 1981. P. 26–27].

Но этого изучения мы не видим. Эти «факторы» выходят на историческую сцену, действуя как гром с ясного неба.

Гилпин также не замечает того, что правители, в период между XIV и XVI вв. превратившиеся в территориальных королей, начинали как феодальные сеньоры: «Изменение экономических и политических порядков — дело затратное, поскольку индивиды должны принуждаться к такому изменению своего поведения, которое кажется им противоречащим их собственным интересам. Задача организационной инновации лежала за пределами военных и финансовых возможностей феодальных сеньоров» [Gilpin. 1981. P. 119]. В этом утверждении обнаруживаются три проблемы. Во-первых, если Гилпин сохраняет приверженность теории общественного выбора, феодальные сеньоры не могут принуждаться действовать вопреки собственным интересам, поскольку они должны были выбрать новый набор институтов, основываясь на рациональной оценке уменьшающейся прибыльности и растущих издержек господствующего «общественного института» — феодального землевладения. Во-вторых, кто же в таком случае мог решить задачу организационной инновации? По Гилпину, это были короли позднего Средневековья. Однако феодальные короли стали всего лишь *primi inter pares*⁶, которые сталкивались с той же проблемой несоответствия доходов и военных расходов, что и другие феодалы, не являвшиеся королями. Как же удалось выработать организационные средства, позволившие им превратиться во что-то иное? Этот вопрос отсылает к третьей и наиболее серьезной слабости теории Гилпина: феодальные короли превратили свои территории не в нововременные национальные государства, а — по крайней мере в западной континентальной Европе — в абсолютистские королевства, основанные на непроизводительных аграрных экономиках, которые стремились к территориальным завоеваниям как источникам королевского дохода. В этом процессе они конкурировали с имевшими более низкий ранг феодальными сеньорами (и обычно выигрывали у них), стремясь получить контроль над крестьянством как базой налогообложения. Следовательно, логика общественного выбора терпит поражение; принятый Гилпином результат — триумф национального государства — оказывается миражом. В силу неверной концепции и

⁶ *Primi inter pares* (лат.) — первые среди равных. — Примеч. пер.

периодизации ранненовременного государства Гилпин присоединяется к основному направлению теории МО, которое интерпретирует Вестфальские мирные договоры как конституционную хартию нововременной системы суверенных государств.

Обоснованность этого вывода подтверждается при более внимательном рассмотрении логики возникновения национального государства. «Национальное государство одержало победу над иными формами политической организации, поскольку оно решило проблему фискального кризиса феодализма» [Gilpin. 1981. Р. 123]. Безотносительно к вопросу о причинах этого кризиса, который так и не был поставлен, схема Гилпина предполагает единообразие посткризисных результатов формирования государства, что весьма сложно согласовать с историческими данными. Если бы успех национального государства покоился на достижении оптимального размера, согласовании фискальных доходов с военными расходами и эффективностью, тогда можно было бы ожидать того, что почти в одно и то же время возникнут похожие государства сходного размера. Однако век абсолютизма свидетельствует о существовании не только абсолютистских политических образований с совершенно различными территориальными основами и военными возможностями, но и весьма различных политических режимов: Голландская торговая олигархия, Британская конституционная монархия после 1688 г., Швейцарская конфедерация, Германская конфедеративная империя, а также Польская аристократическая республика вполне могут служить доказательством этого тезиса. Более того, действительно полная теория образования государства в ранненовременной Европе должна была бы также объяснить неспособность некоторых политических образований, например Бургундии, выжить в тех условиях, где еще меньшие образования, в частности западно-немецкие абсолютистские мини-государства, сохранились. Общая теория общественного выбора, объединенная с неозволюционной теорией конкурентного отбора, неспособна истолковать эти «дисфункциональные аномалии». Короче говоря, модель Гилпина не может объяснить, почему решение проблемы кризиса XIV в. привело в различных регионах Европы к разным политическим результатам.

Эта историческая проблема требует переоценки теории общественного выбора, прилагаемой к построению обществен-

ных институтов. Если экономическая теория общественных институтов предполагает единство интересов, функциональность и единообразие исходов, различные ответы на одинаковые условия указывают на то, что социальное формирование коллективных социальных акторов и взаимодействие между ними опосредует тождественные стимулы или воздействия, переводя их в различные последствия. Независимо от того, как решать более мелкую проблему — а именно, можно ли вообще эмпирически продемонстрировать рациональный расчет индивидуальных акторов, которые предвидят свои выгоды и издержки, располагая определенным знанием об альтернативных стратегиях действия, — теория общественного выбора требует изучения тех процессов, благодаря которым индивидуумы видят, что их интересы поддерживаются коллективные акторы. Вариации принимаемого курса, основывающиеся на неравных сделках, определяют вариации в институционализации агрегированных частных интересов. И это Гилпину как раз не удастся показать. «Выбор» сеньоров выводится просто из более позднего существования более «эффективных» институтов. В таком случае нет никакого выбора, а есть простая детерминация. Круговой характер аргументации подобного рода, ее крен в сторону функционализма и детерминизма подверглись критике, выявившей ошибку *post hoc, ergo propter hoc*⁷ [Spruyt. 1994a. P. 26]. Для Гилпина каузальная связь между интересом и исходом остается непроблематизированной, поскольку его внимание априори нацелено на феодальный правящий класс, словно бы он действовал в социально-историческом вакууме с нулевым трением. Не встроив логику коллективного действия в более широкий социальный контекст и не замечая расхождения в ранненово-временных институциональных исходах, гилпиновский подход общественного выбора достигает лишь весьма поверхностного правдоподобия.

Как в таком случае Гилпин связывает в своей схеме два иных макрофактора изменения системы — начало экономического роста и возникновение мирового рынка? Вначале он подчеркивает уникальный характер нововременной экономической организации: «Рыночная система (и то, что сегодня мы называем

⁷ *Post hoc, ergo propter hoc* (лат.) — после этого, следовательно, по причине этого. — *Примеч. пер.*

международной экономической взаимозависимостью) столь радикально противоречит большей части человеческого опыта, что только весьма необычные изменения и новые обстоятельства могли привести к ее возникновению и ее победе над иными средствами экономического обмена». Затем в числе этих новых обстоятельств называются «быстрое и внезапное усовершенствование коммуникаций и транспорта; политический успех набирающего силу среднего класса, открытие Нового света», а также «монетизация экономических отношений, появление такого “новшества”, как частная собственность, структура европейского государства» [Gilpin. 1981. P. 130]. Гилпин избавляет себя от хлопот, связанных с демонстрацией логической и исторической связи трех крупнейших изменений в среде — триумфа национального государства, начала устойчивого экономического роста и возникновения мирового рынка, — и дополнительных вторичных факторов. Его нестрогая плюралистическая схема приводит к заключению о взаимном усилении трех этих независимых макрофеноменов, которые связаны друг с другом, по большому счету, только внешне. Эта взаимосвязь больше описывается, а не теоретизируется. Повествовательная логика соединения берет на себя функцию теоретической логики социальных отношений.

Это указывает на более глубокую эпистемологическую проблему. Хотя привлечение Гилпином обширного ряда факторов создает впечатление, что он занимается «тотальной историей» — одновременно подтверждая богатство реализма, — эти факторы на самом деле отделены от своих социальных условий. Им, как социально обескровленным феноменам, дается задача объяснить изменение, развить свою собственную динамику, изменяя при этом ход истории. Но каковы социальные условия устойчивого экономического роста? Каковы социальные условия монетизации экономических отношений? Почему ранненовоярская структура европейской системы государств была многополярной, а не однополярной? Эти немаловажные вопросы демонстрируют более широкую дилемму. Хотя Гилпин пытается «объединить изучение международной экономики с изучением международной политики с целью углубления нашего понимания сил, действующих в мире» [Gilpin. 1987. P. 3], он постоянно предполагает, что политическое (государство) и экономическое (рынок) — это две сферы, разделенные на протяжении всей истории: «Государства и рынки, каково бы ни было

их происхождение, существуют независимо друг от друга, у них есть свои собственные логики, хотя они и взаимодействуют друг с другом» [Gilpin. 1987. P. 10fn.]. Теоретическое объединение поэтому ограничивается ретроспективным прояснением изменяющихся связей между двумя этими гипостазированными сферами детерминации, устанавливающими плюралистическое поле множественных нередукционистских каузальностей. «Политическая экономия, — заявляет Гилпин, — обозначает набор вопросов, которые следует исследовать при помощи эклектической смеси аналитических методов и теоретических подходов» [Gilpin. 1987. P. 9]. У нас остается впечатление, что изменение системы стало результатом совпадения принципиально открытого списка случайных факторов⁸. Хотя все может измениться когда угодно, ничто не меняется по той или иной определенной причине. Обращение к плюрализму освобождает социолога от задачи построения теории.

Неопределенность Гилпина в плане теории приводит к тому, что он не замечает хронологической неравномерности институциональных инноваций, как и их неравномерного в географическом отношении распределения. Сначала он утверждает, что

...соотношение между богатством и властью стало меняться в период позднего Средневековья. Именно тогда Европа начала обгонять конкурирующие цивилизации по экономическому росту. Превосходство Европы основывалось на технологическом развитии ее морских сил, совершенствовании ее артиллерии и ее социальной организации, а также на ее общем экономическом прогрессе [Gilpin. 1981. P. 125].

Двумя абзацами ниже он заявляет, что «первичное создание эффективной экономической организации и прорыв к устойчивому экономическому/технологическому развитию произошли в Нидерландах, а спустя небольшое время после этого — в Великобритании» [Gilpin. 1981. P. 126]. Явное противоречие решается благодаря преподнесению ранненововременного меркантилизма и нововременного экономического либерализма в виде двух стадий одного и того же процесса — создания мирового рынка.

⁸ «Современное государство и система национальных государств возникли благодаря особому стечению экономических, технологических и иных обстоятельств» [Gilpin. 1986. P. 314]. Но если таковы были обстоятельства, что заставило их состояться?

В нововременной период провал некоторых попыток объединить Европу политически дал шанс распространению международной экономики рыночного типа. Отсутствие имперской власти, которая могла бы организовывать и контролировать производство и обмен, ослабило путы, сдерживающие рыночные силы. В результате рыночная система, возникнув в XVII в., начала свое шествие по земному шару. Моментом первого проявления мировой рыночной экономики стала меркантилистская эпоха XVII–XVIII вв. [Gilpin. 1981. P. 133].

Однако допущение, что меркантилизм освобождал рыночные силы, является некоторой экономической натяжкой. Если меркантилизм на самом деле предполагал экономическую конкуренцию, регулируемую ценовым механизмом, основывающимся на спросе и предложении, как объяснять усиление геополитической борьбы между меркантилистскими государствами за контроль над торговыми империями? Если меркантилизм на самом деле развивал производство, став толчком для устойчивого экономического роста, как объяснять возникновение мальтузианских кризисов в XVII в. в континентальной Европе и сохранение низкого уровня аграрной производительности во всех странах Европы, кроме Британии, до середины XIX в.: Гилпин утверждает, что

...главной целью британской внешней политики стало создание мировой рыночной экономики, основанной на свободной торговле, свободе движения капитала и унифицированной международной валютной системе. Достижение этой цели требовало, главным образом, создания и применения свода международных правил, защищающих права частной собственности, что отличает ее от более затратной и менее прибыльной задачи завоевания империи [Gilpin. 1981. P. 138].

Если так, не требует ли это изучения качественного изменения британской экономической организации? А если этот радикальный разрыв в структуре экономической организации фундаментально изменил природу международных отношений в XIX в., какое это имеет значение для общепринятой периодизации, относящей возникновение нововременной системы государств к XVII в.?

Хотя Гилпин отмечает этот разрыв между Британией и Францией, а также рождающееся из него напряжение, он уклоняется от теоретизации его социальных оснований. Как раз потому, что ему не удастся понять, что различия Англии и Франции за-

вязаны на разрыв между докапиталистическим аграрным режимом собственности Франции и капиталистическим режимом собственности Британии, в его периодизации возникновение нововременных международных отношений колеблется между XVII и XIX столетиями.

Как оценить общие выводы Гилпина в плане теории МО, если отвлечься от недостатков и преимуществ его описания системного изменения и изменения системы? Напомним, что, по мнению Гилпина, «на фундаментальном уровне природа международных отношений не менялась на протяжении тысячелетий». Затем этот тезис получает дополнительные обертоны благодаря заявлению, что «один из второстепенных сюжетов этой книги состоит в том, что, на самом деле, нововременная и доновременная структура государств отличаются весьма значительно», но только для того, чтобы в конечном счете вернуться к исходному реалистическому тезису: «тем не менее, мы утверждаем, что фундаментальные параметры не изменялись» [Gilpin. 1981. P. 7]. Поскольку этими фундаментальными параметрами является «постоянная борьба за богатство и власть между независимыми акторами, находящимися в состоянии анархии» [Ibid.], а война за гегемонию служит главным механизмом этой борьбы, перегруппирующим позиции растущих сил в международной системе, его тезис об «отсутствии фундаментальных изменений» сохраняется лишь ценой исключения из теории МО вопроса относительно уже установленных различий и специфических черт исторических сообществ и соответствующих им международных отношений. Поскольку эти различия никак не меняют стародавнюю логику международной анархии и связанную с ней неореалистическую тему восхождения и падения «великих держав», реализм кажется вполне доказанным. Однако на таком уровне абстракции теоретические заключения оказываются или тривиальными, или бессмысленными. После кавалерийского наскока Гилпина на мировую историю соображение, будто чем больше она меняется, тем больше остается той же самой, представляется интуитивно неправдоподобным.

Стивен Краснер: подрыв Вестфалии и восстановление анархии

Позиция «отсутствия глубоких изменений» утверждается Стивеном Краснером в рамках более классического реалистиче-

ского подхода. По Краснеру, Вестфальские соглашения не отмечают начала системы суверенных государств. Формирование суверенного правления в различных частях Европы было, по существу, случайным и диахроническим в региональном отношении процессом; он противится любой теоретизации. Формы нововременной суверенности встречаются и до Вестфалии, а доновременные формы правления сохранились и после нее [Krasner. 1993, 1995]. Однако и тогда, когда система суверенных государств фактически сложилась, ее основные правила (исключительная власть над территорией и т.д.) многократно нарушались или оспаривались. Реалистическая «логика последствий» (рациональное властно-политическое государственное поведение) одерживает верх над «логикой правомерности» (государственное поведение, согласующееся с интерсубъективными нормами) благодаря фундаментальной логике анархии. В результате Краснер приходит к выводу, что суверенитет является организованным лицемерием, а также к более широкому заявлению, гласящему, что правители, независимо от специфических черт их политических образований, стремятся править [Krasner. 1990]. Это универсальное утверждение предполагает также, что теории системного изменения остаются неэффективными, поскольку геополитические порядки всегда выстраиваются анархией, асимметрией сил и силовой политикой.

Однако Краснеру не удастся извлечь теоретические выводы из своих эмпирических поправок. Он растворяет теорию МО в истории. Его наблюдение относительно того, что «нововременные» институты государственного суверенитета иногда предшествовали Вестфальскому соглашению, тогда как феодальные институты иногда сохранялись и после него, не освобождает его от объяснения этих региональных различий. Они слишком легко приписываются «беспорядку» истории и диахроническим временным рядам формирования государств, шедшего в разных регионах по-разному. Чтобы осмыслить эти различия, мы должны задать три вопроса. Какова была генеративная грамматика феодальных форм политической власти? Какова была генеративная грамматика нововременного суверенитета? И как мы можем понять регионально расходящиеся и диахронические траектории формирования государств в Европе? Краснеру не удастся распознать генеративную грамматику нововременного суверенитета так же, как и доновременных форм поли-

тической власти⁹. В период перехода к нововременной системы государств «именно разнородность и неупорядоченные изменения, а не выработка некоей генеративной грамматики, характеризовали институциональное развитие в Европе» [Krasner. 1993. P. 247].

Это пренебрежение совпадает с отрицанием того, что вообще можно объяснить регионально-специфичные переходы от средневековых к ранненовременным и нововременным способам организации международной политической власти и геополитического пространства: «Удача и сила, *fortuna* и *virtù*, заданные локальными историческими траекториями, особенно в Англии и северной Италии, — вот что привело на практике к политическим структурам, которые могли обеспечить практический контроль над данной территорией» [Krasner. 1993. P. 257]. Хотя здесь делается намек на две крупные макросоциологические парадигмы возникновения нововременного государства — на тезис военно-технологического детерминизма и тезис коммерческого развития, — Краснер видит четыре по существу мало чем отличающихся столетия споров и борьбы, в ходе которых складывается нововременной суверенитет, так что, например, основание Европейского Содружества должно, видимо, подчиняться все той же самой логике, присущей более ранним историческим попыткам выйти за пределы принципа государственного суверенитета посредством международных соглашений, контрактов, системы принуждения и налогообложения [Krasner. 1993. P. 246, 261]. Поэтому Краснер призывает к отказу от широкомасштабных теорий изменения системы, требуя вернуться к тезису об исторической случайности: «В разнородном и подвижном политическом порядке со времен Средневековья до наших дней не обнаруживается никакой глубинной структуры» [Krasner. 1993. P. 261].

4. ИСТОРИЗИРУЮЩИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

В основном из-за собственных методологических оснований неореализм и реализм были подвергнуты серьезной критике исследователями, представлявшими разные интеллектуальные традиции (см.: [Cox. 1991; Ashley. 1984; Walker. 1987; Bromley. 1991. Ch. 1;

⁹ Средневековый мир не обладает «глубинной генеративной грамматикой» [Krasner. 1993. P. 257].

Rosenberg. 1994. Ch. 1; Agnew, Corbridge. 1995]; эмпирическую критику см.: [Schroeder. 1994a, 1994b]). Сохранение реализма и неореализма связано главным образом не столько с теоретической строгостью или объяснительной силой, сколько с тем, что философы науки называют расходящимися «интересами, управляющими знанием» [Habermas. 1987] и теоретической инерцией институционализированных парадигм, позволяющих социализировать молодых исследователей и поощрять повторение, наказывая за критику [Кун. 1975]. Однако даже внутри реалистической традиции возникали возражения, основывающиеся не столько на метатеоретических вопросах, сколько на содержательных проблемах.

Джон Джерард Рагги: права собственности, эпистемы, случайность

Джон Джерард Рагги выдвигает два фундаментальных возражения неореалистической теории международной политики Кеннета Уолца [Ruggie. 1986, 1993, 1998]. Во-первых, он доказывает, что хотя неореализм и может выстроить теорию способов действия нововременной системы государств, ему не удастся объяснить специфику геополитического порядка, существовавшего до Вестфалии. Во-вторых, он заявляет, что в неореализме есть только «репродуктивная», а не «трансформативная» логика, то есть он не способен выработать широкомасштабную теорию системного изменения, которая объясняла бы «наиболее важное контекстуальное изменение в международной политике этого тысячелетия — переход от средневековой к нововременной международной системе» [Ruggie. 1986. P. 141].

Критика Рагги была сформулирована в следующем виде. Если анархия является определяющей чертой различных геополитических систем, она недостаточна для радикального объяснения различающихся схем международного конфликта и сотрудничества. Однако если мы принимаем каузальную неопределенность анархии, нам нужно будет выработать несистемную теорию МО, которая будет объяснять эти вариации. Это предполагает, что наше внимание сдвигается от узко определенной политической науки к более широкой социальной науке, которая устанавливает более масштабные социальные силы, задающие и воспроизводящие политические сообщества и геополитические системы. Из-за существования глубоких геополитических различий, нам

нужна макротеория системного изменения, которая не скрывает массивные трансформации в превалирующих формах политической власти и территориального порядка, а начинается с того предположения, что эти внутривнутриполитические изменения связаны с долгосрочными и широкомасштабными переходами от одной системы к другой. Это означает, что следует рассматривать социальные источники политических трансформаций. Короче говоря, нам требуется историческая социология формирования нововременной системы государств.

Согласие с основными возражениями, предъявленными Рагги неореализму, не означает, однако, согласия с его конструктивистской альтернативой. В целом критика Уолца у Рагги не выполняет его собственных конструктивистских требований. Эмпирические и теоретические пробелы предложения Рагги демонстрируют недостаточность конструктивистских объяснений и потребность в альтернативной теоретической схеме.

Рагги заявляет, что различия геополитических систем могут объясняться через права собственности. Если средневековая система определялась условной собственностью, порождавшей гетерогенные формы территориальности, нововременная система определена исключительными, абсолютными правами частной собственности, порождающими гомогенные формы территориальности. «Ранненововременное переопределение прав собственности и реорганизация политического пространства высвободили одновременно межгосударственные политические отношения и капиталистические отношения собственности» [Ruggie. 1986. P. 148]. Далее он утверждает, что сдвиг от средневековой условной к нововременной частной собственности может объясняться как случайное стечение трех «несводимых друг к другу» элементов коллективного опыта.

К этим областям относятся материальные среды (эко демография, производственные отношения, силовые отношения); матрица ограничений и возможностей, внутри которой взаимодействуют социальные акторы (структура прав собственности, расхождение между всеобщим и индивидуальным уровнем доходности, возможности создания коалиций между крупнейшими социальными акторами); социальные эпистемы (политические доктрины, политические метафизики, пространственные конструкты). Каждая из этих областей претерпевала изменения в соответствии со своей собственной внутренней логикой

[Ruggie. 1993. P. 168–169].

Хотя отношение между этими феноменами в причинном смысле остается неопределенным, Рагги подчеркивает последствия глубоких изменений в ранненовременных эпистемах, то есть в коллективных представлениях о субъекте и социальной реальности [Ruggie. 1993. P. 169]. Рагги отмечает возникновение нововременного понятия субъективности как решающую эпистемную инновацию ранненовременного (само)сознания. Субъект Нового времени и концентрация политической власти через понятие неделимого суверенитета над пространственно отграниченной территорией — это два феномена, в историческом отношении параллельных. Независимо от того, насколько убедителен в теоретическом отношении предложенный Рагги набросок описания связи между возникновением режима частной собственности, нововременной субъективностью и нововременным территориальным суверенитетом, ему не удается определить тех социальных агентов, которые поддерживали те или иные права на собственность, изменяли их или жили благодаря им — не просто как формальные институты, но как социальные отношения, которые поддерживаются политически, являясь предметом спора. Эта десоциализация и деполитизация прав собственности выражается в неспособности распознать их внутренне конфликтную природу, а также рассмотреть те социальные конфликты, которые их преобразовали.

Из-за недостаточного теоретического осмысления социальной природы отношений собственности встречаемые у Рагги соображения относительно процессов, породивших режим частной собственности, его исторической периодизации, географически неравномерного распространения или влияния на абсолютистский суверенитет, остаются всего лишь сомнительными намеками. Рагги достаточно осторожен и потому воздерживается от конструирования четких каузальных связей между изменениями в материальных средах, стратегическом поведении и социальных эпистемах. Хотя он настаивает на том, что три упомянутых сферы несводимы друг к другу и относительно автономны, он всего лишь допускает возможность случайных взаимодействий между ними: «Однако эти изменения также влияют друг на друга — иногда по цепочке, иногда функционально, иногда просто через механизм распространения, то есть

сознательного или бессознательного заимствования» [Ibid.]. Другими словами, они совпадают друг с другом во временном и пространственном отношениях. Любая попытка поставить под вопрос этот мягкий аддитивный анализ системной трансформации означал бы возвращение к искушениям «большой теории», которая навлекает на себя цензуру, отсеивающую любые тотализации [Ruggie. 1993. P. 169]. Новое время оказывается по самой своей сути случайным — как любопытное стечение логически разделенных феноменов.

Любимая эпистемологическая позиция Рагги, отдающая предпочтение «локальному и случайному», имеет смысл лишь в случае уже произведенного признания их антонимов — тотального/глобального и структурного/определенного [Ruggie. 1993. P. 171]. Его концепция истории как ряда географически неравномерно распределенных случайных событий требует хроники в качестве собственного модуса изложения. Однако, по его собственным заявлениям, Рагги занимается теорией, а не рассказами. Следовательно, нечетко связанные друг с другом три относительно автономные сферы Рагги не могут объяснить того, что он намеревается объяснить, — взаимную детерминацию частной собственности и нововременного суверенитета. Эта неспособность выйти за пределы временных и пространственных случайных событий уже была неявно заложена в тех историографических протоколах, которые Рагги перенял у школы «Анналов». Последняя разделила исторический процесс на три уровня исторического времени — на неизменные структуры, циклические конъюнктуры и случайные события, — которые были связаны с конкретными сферами истории, обладающими отдельными ритмами и независимыми логиками развития [Ruggie. 1989; Бродель. 1977, 2002, 2003]. Однако то, что в исходной схеме Броделя было аналитическим и эвристическим различием, для Рагги становится онтологическим разрывом между независимыми сферами детерминации, которые никогда не могут объединяться в конкретных исторических объяснениях (критику см.: [Hexter. 1972; Groh. 1973. P. 79–91; Gerstenberger. 1987]).

Хотя каузальность попирается случайностью, Рагги ясно размещает сдвиг от Средневековья к Новому времени между Ренессансом и Реформацией, указывая, что завершился он эпохой абсолютизма. То, что эта трансформация была осуществлена не ранненовременной Англией, а Францией XVII в., проясняется

цитатой, заимствуемой Рагги у Перри Андерсона: «Эпоха, в которую распространилась “абсолютистская” публичная власть, была также эпохой, в которой быстро укреплялась “абсолютная” частная собственность» [Ruggie. 1986. Р. 143]. По Рагги, ранне-нововременная Франция была нововременным государством с исключительной территориальностью и внутренней иерархией. Здесь описание Рагги смыкается с общим консенсусом в теории МО, поскольку оно предполагает, что начало нововременных межгосударственных отношений связано с Вестфальским миром, который стал выражением и кодификацией этой ранее осуществившейся политической трансформации¹⁰. Хотя 1648 г. не возводится в ранг катаклизма и окончательного разложения изживших себя средневековых международных отношений, он признается в качестве «обычного маркера зарождения нововременных международных отношений» [Ruggie. 1993. Р. 167]. В его повествовании трансформация организации политического пространства явно относится к Ренессансу, а иногда даже к более раннему периоду, например к временам после Столетней войны [Ruggie. 1993. Р. 147]. Нововременное государство, по словам Рагги, «было изобретено ранненововременными европейцами. На самом деле, оно изобреталось ими дважды — первый раз в лидирующих городах итальянского Ренессанса, а второй — какое-то время спустя в королевствах севернее Альп» [Ruggie. 1993. Р. 166].

¹⁰ Подобным образом, две другие конструктивистские теории не различают формирование ранненововременных государств Франции и Англии. Родни Брюс Холл (Rodney Bruce Hall) предполагает, что Франция и Британия XVIII в. являются вариантами одного и того же «территориально-суверенного» типа [Hall. 1999. Р. 100]. Касательно Вестфалии, он сначала заявляет, что в общем пространстве после 1648 г. государство уравнивалось с собственной династией. Позже утверждает, что Соглашение стало толчком для кризиса династийной легитимации, заместив династийную легитимность территориальной, то есть *raison d'État* и «институтом современного государства» [Hall. 1999. Р. 60–63, 99]. Курт Берч (Curt Burch), в свою очередь, предлагает конструктивистскую теорию современного суверенитета Англии XVII в., которая вращается вокруг дискурса прав частной собственности. Он считает, что подобные процессы происходили и во Франции XVII в. А это приводит его к разногласиям со стандартной теорией МО, предполагающей, что «Тридцатилетняя война на самом деле отмечает этот переход [от династийной власти к суверенному государству] на континенте» [Burch. 1998. Р. 89].

Смешивая абсолютистский суверенитет с нововременным, Рагги выделяет только один важный системный сдвиг от Средневековья к Новому времени. Поэтому он не способен увидеть, во-первых, что сама средневековая геополитическая система прошла через серьезные трансформации, и, во-вторых, что сначала она дала место ранненововой абсолютистской династийной системе, которая затем сама претерпела значительную трансформацию, прежде чем приобрести явно нововременные атрибуты. Это сведение двух системных трансформаций к одной приводит к тому, что он не замечает особой природы ранненововой системы династийных государств, к смешению Вестфальской системы с нововременной системой государств и к неспособности выделить и объяснить социальные процессы, которые определили возникновение последней.

Независимо от того, где именно впервые утвердились капиталистические режимы частной собственности — в Англии или во Франции, простого существования прав частной собственности недостаточно для объяснения множественности государств в нововременном геополитическом порядке. Хотя права частной собственности поддерживают отделение нововременной политической власти от частного капиталистического владения, то есть горизонтальное разделение между государством и гражданским обществом/экономикой, само по себе оно не делает более понятной вертикальную фрагментацию множества взаимоисключающих единиц власти. Частная собственность не может объяснить территориальную дифференциацию функционально схожих государств. Вполне можно представить одно всеобщее государство, существующее на основе всеобщего режима частной собственности.

Эмпирические промахи и теоретические провалы невозможно отделить от конструктивистского подхода Рагги. Недостаточно понимать права собственности или суверенитет только как интерсубъективные и потому добровольные и основанные на консенсусе соглашения или конститутивные правила, поскольку они основаны на асимметричных социальных отношениях, включающих насилие и принуждение, то есть конфликт и навязывание. Мы не можем просто рассматривать изменения в системе-структуре, инновации в формировании режима или само формирование нововременного суверенного государства вне ряда интерсубъективных переговоров и соглашений поли-

тических элит, независимо от того, имеют они внутривнутриполитическое происхождения или же являются результатом ряда международных мирных конгрессов. Напротив, мы должны выявить более масштабные социальные силы с антагонистическими интересами, которые питают политическое и геополитическое изменение в конфликтных, зачастую силовых, внутренних и международных процессах. Деполитизированный подход, принятый в конструктивизме, как и его объяснительные принципы, не исчерпывает важные эмпирические и теоретические вопросы. Чтобы их рассмотреть, нам нужно оставить неореализм, реализм и конструктивизм и обратиться к той теоретической традиции, в которой собственность, понимаемая не как абстрактная юридическая категория, но как социальное отношение, располагается в центре социального исследования.

5. НЕОЭВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Хендрик Спрут: социальные коалиции, институциональные вариации и неозволюционный отбор

Хотя ответы Рагги недостаточны, его критика весьма существенно изменяет неореалистическую парадигму. Хендрик Спрут, в свою очередь, извлекая радикальные теоретические выводы из новой исследовательской повестки Рагги, показывает, что неореалистическая парадигма просто устарела. В макротеоретическом описании изменения системы у Спрута с самого начала постулируется, что «изменение конститутивных элементов системы означает изменение структуры этой системы» [Spruyt. 1994a. P. 5]. Поскольку за определяющие черты элементов нововременной системы государств принимаются исключительная территориальность и внутренняя иерархия, новый центральный *экспланандум* теории МО определяется так: «В конце Средних веков международная система прошла через драматическую трансформацию, в результате которой пересекающиеся юрисдикции феодальных сеньоров, императоров, королей и пап начали уступать территориально определенным властям. Феодальный порядок постепенно замещался системой суверенных государств». В то же самое время Спрут со всей определенностью заявляет, что позднесредневековое суверенное государ-

ство по своему понятию было тождественно нововременному государству.

Новым элементом, введенным позднесредневековым государством, было понятие суверенитета. В политической организации позднего Средневековья именно это стало критическим поворотом, а не особый уровень монархического управления или королевский доход, не физический размер государства. Именно понятие суверенитета изменило структуру международной системы, обосновав политическую власть принципом территориальной исключительности. Нововременное государство основывается на этих двух ключевых элементах — внутренней иерархии и внешней автономии, возникших в первый раз в позднем Средневековье [Spruyt. 1994a. P. 3].

Как мы можем, учитывая эту эпохальную трансформацию, понять формирование и утверждение суверенного территориального государства в ранненовоявременной Европе? По Спруту, изменения, затрагивающие тип элементов, весьма редки, поскольку институциональная структура выражает совокупность имущественных прав, защищаемых господствующей коалицией социальных сил. Из-за этого поддерживающего систему перекоса для создания новой структуры стимулов, изменяющих действия и, соответственно, институты, требуется «масштабное экзогенное изменение — разрыв» [Spruyt. 1994a. P. 24]. Спрут дает достаточно новый поворот проблеме «сдвига от Средневековья к Новому времени», утверждая (и неявно критикуя при этом Гилпина), что «расширение торговли было критическим внешним изменением, которое запустило этот процесс в период Высокого Средневековья» [Spruyt. 1994a. P. 25]. Вызванный торговлей распад неисключительной феодальной территориальности породил регионально *расходящиеся социальные коалиции* между королями, знатью, бюргерами и церковью. Это привело к появлению трех конкурирующих позднесредневековых конфликтных элементов: суверенных территориальных государств, городов-государств и союзов городов. Отвергая любое одностороннее или функциональное объяснение формирования государства и выступая за институциональную вариативность, он смещает фокус исследования к механизму, который породил эти институциональные вариации, а также к тому механизму, который обеспечил победу новоявременного государства над

его соперниками. Спрут, основываясь на версии дарвиновской теории, предложенной Стивеном Джей Гулдом, выдвигает двухэтапную модель, в которой задается происхождение нововременного государства и его последующий *системный отбор* в поле конкурирующих альтернатив.

Подъем нововременного государства, образцовым примером которого служит Франция, стал, по Спруту, результатом коалиции междубюргерами и монархом, порождающей согласованный юридический и институциональный контекст для позднесредневекового распространения торговли, привязанной к городам и обеспечивающей монархию новыми фискальными ресурсами. Основываясь на общем налогодоброжелании и рациональном управлении территориальное государство сменило феодальные формы общественной организации, снизив транзакционные издержки, уменьшив возможности «безбилетничества»¹¹ и наделив собственных граждан более строгими обязательствами. Формирование французского государства привело к эффективному, рационализированному и конкурентно успешному способу экономической, политической и военной организации. Схемы выстраивания коалиций в Германии и Италии были иными. В Германии города оказались экстраитерриториализированы благодаря восстановлению отношений между знатью и монархом, допускающему городскую самоорганизацию в союзах городов. Политическая власть оставалась территориально фрагментированной. В Италии из-за слабости территориальных правителей и провала попытки германского императора ввести итальянскую имперскую политику, городские элиты, подключая знать к торговой деятельности, организовались по территориальному принципу, дав толчок системе городов-государств. Как только эти внутренние организационные изменения были завершены, начался процесс конкурентного институционального отбора из трех господствующих форм ранненовременного политического сообщества, в котором сохранение нововременного территориального государства и его повсеместное утверждение стали результатом его экономического и военного превосход-

¹¹ «Безбилетничество» (free riding) — имеется в виду экономическая прибыль того или иного рода, получаемая за чужой счет благодаря участию в каких-либо организациях/коллективах, производящих совместно распределяемые блага. — *Примеч. пер.*

ства, исключительной легитимности, обеспеченной взаимным международным признанием, а также недостатков его конкурентов и институционального подражания с их стороны.

Выдвинутая Спрутом двухэтапная модель геополитической трансформации — расходящихся классовых альянсов, за которыми следует отбирающая государства конкуренция, — еще больше радикализирует параметры теории МО, восстанавливая связь между субъектом действия и вариациями институциональных исходов, основанную на мотивированных разными интересами выборах по-разному позиционированных социальных агентов и сделках между ними. В этом отношении Спрут в значительной мере преобразует односторонние заключения гилпиновской модели общественного выбора. Однако его теория международной трансформации несвободна от некоторых теоретических и эмпирических проблем.

Хотя Спрут вполне справедливо обращает внимание на качественное различие между геополитикой в период европейского Средневековья и нововременной межгосударственной системой, его исследование феодализма не продвигается далее институционального описания средневекового порядка, вращающегося вокруг межличностных связей вассальной зависимости. Поэтому ему не удастся объяснить причины и следствия условной феодальной собственности, которую Рагги справедливо выделил как принцип территориального неразличения. Описание феодализма у Спрута как системы нетерриториального правления является абсолютно сравнительным. Другими словами, хотя он достаточно подробно прорабатывает вопрос о том, *чем* феодальная геополитическая система отличалась от нововременной, ему не удастся определить, *почему* такое отличие имело место. Поэтому он не может не только объяснить структуру средневековой геополитической системы, но и выстроить теорию ее ориентированного на насилие модуса действия, то есть закономерности поведения, встречающегося между элементами системы. Соответственно, специфическая склонность к войнам и социополитическая динамика феодальной геополитики остаются необъясненными.

Это упущение ведет прямо к неверной интерпретации позднесредневековой коммерциализации как движущей силы распада феодальной социальной организации. Подъем городов и его последствия, расширение рыночного обмена, рост разделения труда, — короче говоря, обычная «модель коммерци-

ализации» — это некий необъяснимый демиург, «внешняя» и «независимая переменная», создавшая те экономические трансформации, которые выразились непосредственно в том новом политическом спросе на более эффективную реорганизацию политического пространства, предъявленного гражданами городов [Spruyt. 1994a. P. 6]. Объяснению Спрута присущи все недостатки модели коммерциализации, которая, как мы покажем в четвертой главе, сама по себе не способна объяснить распад феодализма, происхождение капитализма или подъем нововременного государства.

Для начала стоит заметить, что в интеллектуальном отношении не совсем честно вводить расширение торговли в качестве внешней независимой переменной, заявляя при этом, что «причины этого экономического подъема не должны нас сейчас заботить» [Spruyt. 1994a. P. 61], тогда как центральный вопрос, относящийся к экономическому возрождению начала тысячелетия, состоит именно в том, было ли это возрождение внутренне определено экономической динамикой феодализма или нет [Sweezy, Dobb et al. 1976; Aston, Philpin. 1985; Katz. 1989]. Действительно, существуют весомые аргументы в пользу того взгляда, что этот общий подъем стал внутренним следствием феодальной экономики. Однако если этот подъем в период Высокого Средневековья определялся именно самим феодализмом, тогда спрутовская неозволюционная модель изменения как «пунктированного равновесия», опирающаяся на массивные внешние толчки, вообще ничего не объясняет.

Кроме того, в случае Франции Спрут предполагает наличие долговременного столкновения интересов между поднимающимся слоем городских бюргеров и находящимися в упадке феодальными сеньорами, но ему не удается показать, как и почему рост городов противостоял феодальному способу производства и политической организации: «В этой главе я предположил, что города по своей сути противостояли феодальной аристократии. Удивляет то, что неомарксистские теории допускают это, но все равно стремятся вписать города в феодализм» [Spruyt. 1993a. P. 107]. Независимо от того, существует такая единая неомарксистская теория или нет, Спрут, видимо, просто неправильно понимает сам аргумент. Джон Меррингтон проясняет этот вопрос, показывая, что города на самом деле были внутренне вписаны в феодализм, что прежде всего означает их зависимость от

аграрных ритмов спроса и предложения, и в то же время они политически выходили за пределы контроля феодальных сеньоров [Merrington. 1976]. Это совмещение политической эмансипации от аграрной феодальной экономики и экономическая включенность в нее объединяли феодальных сеньоров и городские общины в общей эксплуатации зависимого от них крестьянства; обе группы пользовались прямой внеэкономической рентой, получая доход от политически навязанных монопольных цен. В то же время два этих класса были разделены разногласиями относительной той доли прибавочного продукта, произведенного крестьянством, которая приходилась каждому из них. Причина их антагонизма заключалась не в отношении к природе экономической системы — в отличие от конфликта между восходящей буржуазией, господствующей на зарождающемся городским капиталистическим рынком, и ослабевающей знатью, защищающей разлагающуюся феодальную экономику, — а в распределении продукта крестьянского труда.

Независимо от того, было ли средневековое экономическое возрождение внутренне связано с феодализмом или нет, данное Спрутом объяснение институциональных различий в случае Франции, Германии и Италии оказывается неполным без предварительного исследования *более широких классовых отношений* между монархией, знатью, бюргерами и, главное, крестьянством. Специфичные для определенных регионов коалиции монархии, знати и городов во всех трех случаях получали дополнительное определение со стороны борьбы крестьянства за его регионально дифференцированный правовой статус, то есть со стороны классового конфликта. Спрут утверждает, что французский альянс бюргеров и короля сохранился, поскольку знать была слаба. Однако нельзя понять слабость знати без рассмотрения успешной борьбы французского крестьянства против крепостничества, поддержанной королевской политикой защиты крестьянства, перекрывающей местным сеньорам доступ к прибавочному продукту крестьянского труда, — это столкновение между режимом ренты, поддерживаемым знатью, и королевским налоговым режимом стало особым французским сценарием. В ходе этого процесса французская монархия пыталась получить контроль над доходами, порождаемыми городами, не столько путем создания коалиции между бюргерами-торговцами и королем, сколько благодаря насильственному

навязыванию королевской власти ранее полунезависимым городским общинам. Поэтому здесь не было ни схождения предпочтений, ни близости интересов, ни взаимовыгодной сделки — имелся лишь внутренний для самого правящего класса конфликт по поводу политически заданных процессов циркуляции средств, и победу в нем одержал король¹².

Другими словами, центральным мотивом ранненовременного формирования французского государства был не развиваемый городами национальный рынок, а установление расширенной базы налогообложения для монархии. Также этот крайне конфликтный процесс создания городского самоуправления не потребовал установления административно централизованного и юридически рационализированного пространства игры, в котором, предположительно, были заинтересованы торговцы [Spruyt. 1994a. Р. 86–94, 99–108]. И он привел к сложной политической экономии, определяемой отличающимися по регионам законами, в высшей степени неравномерным уровнем налогов, путаницей внутренних таможен и пошлин, валют, привилегий, не-бюрократических и приобретаемых за деньги постов, а также получаемых в частном порядке монополий, которыми торговал король. Французское абсолютистское государство оставалось абсолютно неновременным по своим институтам и в высшей степени неэффективным в плане экономической производительности.

Спрут описывает, но не объясняет расширение и упрочение французского государства в период с Капетингов до Бурбонов [Spruyt. 1994a. Р. 77–108]. Хотя он справедливо отвергает ту функционалистскую предпосылку, будто военно-технологический

¹² Например, Дэвид Паркер (David Parker) утверждает, что «там, где меркантилистский курс оказал какое-то влияние, весьма сомнительно, чтобы этот результат был поддержан буржуазией или же был ей выгоден. Напротив, автономия французских городов стала одной из очевидных жертв утверждения королевской власти» [Parker. 1996. Р. 28–29]. Автономия городов (во Франции и вообще везде) не ставилась под вопрос, пока монархи оставались бесспорными правителями (1100–1450), но вскоре после централизации королей была утеряна. Следовательно, отношения города и короля не вели к капиталистической рационализации, просто бюргеры «увидели прибыли, которые можно извлечь из игры, связанной с подчинением короне — количество должностей, налоговые привилегии, а также ренты с общественных долгов, — вот что стало залогом их интереса друг к другу» [Blockmans. 1994. Р. 237].

прогресс определил размер и организацию политических единиц, простая отсылка к королевско-бюргеровскому альянсу также не в состоянии ответить на вопрос о том, как и почему французская монархия расширяла и укрепляла сферу своего влияния на протяжении столетий. Из-за такого упущения создание королевского государства представляется неким естественным процессом роста государства. Как мы покажем позднее, решающим фактором в случае Франции стала не столько политическая сделка между жителями городов и королем, сколько борьба между режимом ренты, поддерживаемым независимыми сеньорами, и общим налоговым режимом, который продвигался монархией и ее наследными чиновниками.

Однако поскольку Спрут, как и Рагги, отстаивает идею модернизационного потенциала занятых торговлей бюргеров, а также выделяет исключительную территориальность и внутреннюю иерархию в качестве решающих критериев нововременной государственности, он ошибочно признает в позднесредневековых и ранненовременных королевствах нововременные государства: «Возможно, это чересчур — считать, что в 1300-х годах мы уже можем найти нововременную Францию. Ведь еще будет затяжная война с Англией, годы религиозной смуты, внутреннее противостояние городов, знати, духовенства. Однако уже в этом периоде мы обнаруживаем существенные черты нововременной государственности» [Spruyt. 1994a. P. 79]. Такое равенство не только противоречит выделенному Максом Вебером идеальному типу нововременного государства, центрированному вокруг собственного безличного характера и рациональной бюрократии, оно приводит к совершенно неверной интерпретации персонализированной природы позднесредневекового и ранненовременного королевского суверенитета. Хотя логика феодально-политической и территориальной фрагментации была и в самом деле подорвана после кризиса XIV в., рождающееся абсолютистское государство просто попыталось централизовать ренты как «гигантский землевладелец» [Rosenberg. 1994. P. 135], навязывая, если соглашаться с Хайде Герштенбергер, режим «обобщенной личной власти» [*verallgemeine personale Gewalt*] [Gersteberger. 1990. P. 510–522]. Территориальность, в свою очередь, стала функцией наследственной династичности. Она не была ограниченной в современном смысле, как и не управлялась она ясной внутренней иерархией. Неверно интерпретируя абсо-

лютистский суверенитет, Спрут выстраивает радикально неверную периодизацию сдвига от Средневековья к Новому времени. Поэтому он, следуя Гилпину и Рагги, полностью поддерживает тот миф, что Вестфальский мир стал основополагающей хартией нововременной системы суверенных государств¹³.

Хотя, по Спруту, коммерциализация привела в Европе к трем регионально различным ответам (суверенное территориальное государство, города-государства и союзы городов), эта трехчленная классификация не исчерпывает всего объема политических альтернатив, существовавших в ранненовременной Европе. Сведение институциональных отличий к двум базовым альтернативам, территориальной и нетерриториальной, не соответствует весьма неравномерному и разнообразному, то есть темпорально синхроническому, но качественно диахроническому развитию ранненовременных политических сообществ в Европе. Это не требование исторической полноты, а аргумент, серьезно ослабляющий тезис Спрута о конкурентном отборе на основе институциональной эффективности.

Как согласуется с этой моделью институционального отбора Священная Римская империя, которая объединяла множество децентрализованных и полуавтономных акторов под одним имперским зонтиком и которая просуществовала до 1806 г.? Она не уступила якобы большей экономической, военной и политической эффективности классических территориальных государств, а с другой стороны — не стала и «имитировать» их институты, не подвергаясь при этом и делегитимации как участник международных конвенций. Напротив, Вестфальские соглашения признавали ее уникальную конфедеративно-имперскую конституцию и закрепили этот ее статус в международном праве. Как объяснить размножение таких территориальных государств, как Голландская олигархическая торговая республика, Швейцарская крестьянская конфедерация, Польская аристократическая республика, которые не только не соответствовали классическому «западному» образцу формирования территориального государства, но и выдержали — если исключить Польшу, — конкурентный натиск и институциональную привлекательность их «более

¹³ «Я завершаю изложение на моменте Вестфальского мира (1648), который формально признал систему суверенных государств» [Spruyt. 1994a. P. 27].

эффективных» западных соседей? Даже если ограничиваться абсолютистскими государствами, важно отметить, что западные абсолютистские режимы, основанные на «втором издании крепостничества», явно демонстрировали институциональные особенности, весьма серьезно расходящиеся с «западной» моделью, так что лишь в конце XIX или в начале XX столетия они подверглись структурной трансформации [Андерсон. 2010]. Другими словами, критерий «ограниченная территориальность плюс внутренняя иерархия» не исчерпывает вариации в европейском построении государств, а также не объясняет, почему некоторые ранненовременные государства, территориально определенные, однако обладающие весьма различными политическими режимами, успешно конкурировали и сосуществовали с Францией и Англией, ни в чем им не подражая. Следовательно, логика неэволюционного отбора нуждается в серьезном пересмотре.

Эта слабость объяснений особенно хорошо проявляется в вопросе о ранненовременных Франции и Англии. Поскольку Спрут главным образом интересуется суверенитетом и ограниченной территориальностью *per se*, а не различиями в формировании режимов, он сводит ранненовременные Англию и Францию в одну группу успешного суверенного территориального государства. Однако два этих политических образования радикально различались, в долгосрочной перспективе их траектории серьезно разошлись, а все их сферы общества, экономики и политической организации демонстрировали существенные несовпадения. Высказывания Спрута об Англии остаются эпизодическими и поверхностными: «Суверенные территориальные государства содержали окончательный источник власти. Хотя я ссылался главным образом на Францию, то же самое верно и в случае других государств, например Англии. Суверенитет не обязательно предполагает абсолютизм» [Spruyt. 1994a. P. 153]. Верно, суверенитет не обязательно предполагает абсолютизм, но и абсолютизм не обязательно предполагает новременной суверенитет. Суверенитет *per se* оказывается слишком неопределенным понятием, чтобы можно было провести различие между ранненовременными Францией и Англией. И главное, если Англия XVII в. превратилась в парламентско-конституционное государство, основанное на расширяющейся капиталистической экономике, Франция начала совершенствовать свою наследственно-династическую государственную фор-

му, основанную на некапиталистической аграрной экономике, хотя олицетворением суверенитета и стал король. Опять же, понятия «ограниченная территориальность» или «суверенитет» скорее затемняют, а не проясняют суть дела. Предположение всего лишь одной фундаментальной трансформации в структуре системы не соответствует радикальному геополитическому разрыву между Средними веками и Новым временем. Нам нужна именно теория международного изменения, в которой рассматривался бы и этот переход от средневековой к ранненововой (гео)политической организации, и последующий переход от ранненововременных к явно нововременным международным отношениям. Второй сдвиг требует понимания случая Англии. Однако Англия, как и крестьянство, почему-то не встречается в исследовании Спрута.

И наконец, если мы внимательнее изучим эмпирический базис утверждения Спрута о том, что ранненововременное территориальное государство, за пример которого принимается Франция, обеспечило развитие эффективных нововременных институтов, что способствовало его отбору из нетерриториальных альтернатив, неозволюционная логика конкурентного институционального отбора проваливается. Если, как это в действительности было, в ранненововой Франции отсутствовала централизованная рациональная бюрократия, стандартизированное национальное налогообложение, управление и судопроизводство, логика относительного превосходства Франции в XVII в. и ее последующего упадка по отношению к Британии после 1688 г. должна быть пересмотрена на основе некоей иной теории. Более того, процесс, благодаря которому первому нововременному государству — Англии — удалось сделать свою государственную форму и свою логику международных отношений универсальной, должен стать основанием для новой теоретической проработки и новой периодизации, которые отсылали бы к совершенно иным социальным основаниям и иной политико-экономической динамике.

6. НЕОМАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ МО

Джастин Розенберг: Новое время как «структурный разрыв» и Новое время как процесс

Критические исследователи МО полагают, что различия между-народных схем конфликтов и сотрудничества связаны с меняющимися способами производства. Структурный разрыв между доновременными и нововременными международными отношениями коренится в развитии капитализма и в цепочке революционных изменений режима. Установление капитализма привело к дифференциации политики, порождающей систему государств, и экономики, порождающей транснациональную «империю гражданского общества». Только после того, как процесс извлечения прибавочного продукта был деполитизирован, суверенитет был сведен в публичное государство, располагающееся над саморегулирующейся капиталистической экономикой и гражданским обществом отдельных граждан. Затем это могло стать отправным пунктом для дискурса и практики *Realpolitik*, скрывающей второй уровень частной власти — становящийся в силу своей внутренней природы все более универсальным мировым рынком.

В этом отношении работы Джастина Розенберга стали настоящим прорывом. Он показывает, как особые геополитические системы — классическая греческая полисная система, итальянская ренессансная система городов-государств, ранне-нововременные империи и нововременная система суверенных государств — были структурно связаны с различными способами производства. «Геополитические системы не формируются независимо от более широких структур производства и воспроизводства общественной жизни, и их невозможно понять отдельно от этих структур» [Rosenberg. 1994. P. 6]. Далее Розенберг доказывает, что хотя для большинства геополитических порядков характерна анархия, все докапиталистические системы отделены от нововременного капиталистического международного порядка «структурным разрывом». Этот фундаментальный разрыв виден по различию между личным господством в докапиталистических отношениях производства и безличным нововременным суверенитетом, исходящим из посылки о разделении экономического и политического. По Розенбергу, этот структурный разрыв объясняет совместный генезис и совместимость системы ограниченных (но проницаемых) суверенных государств и транснациональной международной экономики. Капиталистическая анархия рынка повторяется на уровне международной анархии системы государств.

Далее Розенберг приходит к выводу, что в этом кроется причина некоторого отличия нововременного баланса сил от невидимой руки рынка, постулированной Адамом Смитом; баланс сил — «это вторая половина», механический и поверхностно десоциализированный регулятор абстрактного понятия политического [Rosenberg. 1994. Р. 139, 155]. В равной степени совмещение капитализма, нововременного государства и нововременной системы государств — это условие возможности нововременной силовой политики и ее реалистического дискурса. А поскольку нововременной капиталистический суверенитет не равен абсолютистскому суверенитету, значение Вестфальского соглашения как отправной точки нововременных международных отношений радикально подрывается.

Исследования Розенберга для теории МО оказались весьма прогрессивными в плане как метода, так и содержания. Однако они отмечены определенным противоречием между остатками структуралистского понимания марксизма и вниманием к историческому развитию. Структуралистские обертоны становятся особенно заметны, когда Розенберг воссоздает европейскую историю, по существу, как цепочку следующих друг за другом, дискретных и замкнутых геополитических порядков. Поэтому он не занимается теоретическим осмыслением переходов между ними, как и социальных конфликтов, кризисов, войн, которые подталкивали эти трансформации. Субъект действия представлен в его объяснениях недостаточно. Хотя это упущение не столь значимо для докапиталистических геополитических порядков, если ограничиваться целями теории МО (но не марксизма), оно становится более проблемным, когда встает вопрос о социальном, географическом и хронологическом происхождении капитализма, его отношении к системе государств и определении *нововременных* международных отношений. Розенберг убедительно доказывая пусть и чисто аналитически, структурную взаимосвязь и функциональную совместимость территориально разделенной системы государств и частного, транснационального мирового рынка, не дает динамического объяснения совместного развития капитализма, нововременного государства и нововременной системы государств. Два последних феномена аналитически выводятся из первого, хотя все три рассматриваются в качестве структурно и хронологически равных аспектов Нового времени. Этот тезис снижает объ-

яснительную силу капитализма, оставляя сложный комплекс совместного исторического развития (но не совместного происхождения) капитализма, государства и системы государств недостаточно исследованным. Этот пробел между теоретическим заявлением и исторической демонстрацией становится очевидным только к концу изложения. Замечания Розенберга относительно происхождения капитализма носят неокончательный характер, указывая на необходимость отследить в высшей степени неравномерные процессы, благодаря которым родственные движения «первоначального накопления» и утверждения нововременного суверенитета распространились по Европе в период XIX–XX вв.

Здесь возникают две проблемы. Во-первых, открывается провал между тем утверждением Розенберга, что «структурный разрыв» отделил доновременную геополитику от нововременной, и признанием, выраженным в его исследовательской программе, что установление Нового времени в сфере международных отношений не охватывало сразу всю систему, не было одномоментным или же равным наступлению капиталистической анархии в частной сфере, являясь, скорее, долгосрочным и широкомасштабным процессом, который во многих отношениях все еще продолжается. Нововременные международные отношения не просто пришли на смену доновременной геополитике, они сосуществовали наряду с ней, пытаясь ее преодолеть, не разрушая всех ее атрибутов, среди которых особое место занимают множественные территории. И обратно, докапиталистические государства, находящиеся под международным давлением, побуждающим их к модернизации, разработали контрстратегии, которые ударили по капиталистической Британии, что позволило «замарать» веру в ее непорочную либерально-капиталистическую культуру. Новое время — это не структура, а процесс.

Во-вторых, эта дилемма порождает ряд вопросов. Когда, где и каким образом впервые возник капитализм? Каково было его влияние на образование нововременного государства? Учитывая, что капитализм возник в ходе неравномерного процесса, разворачивавшегося на протяжении трех столетий в различных регионах Европы, как нам следует понимать сосуществование гетерогенных политических сообществ в «смешанном сценарии» международного порядка? Как выстроить теорию этого

долгого перехода? Поскольку баланс сил впервые был реализован Британией в контексте докапиталистической геополитической системы, в какой мере он является абстрактным капиталистическим механизмом международной регуляции? Если капитализм возник в ранненовременной Англии в контексте системы государств, которая, согласно собственным утверждениям Розенберга, уже не была имперской, но представляла собой систему территориально оформленных абсолютистских государств [Rosenber. 1994. Р. 130, 137], как объяснить формирование этой докапиталистической системы государств? А если система территориальных государств предшествовала связке капитализма и нововременного суверенитета, можем ли мы по-прежнему утверждать, что нововременная система разделенной политической власти является производной капитализма, его неперенным продуктом?

Короче говоря, предположение четкого структурного разрыва хотя и является теоретически весьма обнадеживающим, в историческом плане должно быть ослаблено, если мы хотим реконструировать процесс образования нововременной системы государств.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К НОВОЙ ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Недавние шаги в теории МО существенно изменили ее исследовательскую повестку. После того как Уолц вывел историю за пределы поля МО, новая совокупность вопросов дала толчок новаторским теоретическим и метатеоретическим подходам. Хотя критика антиисторического структурализма Уолца объединила многих исследователей в области теории МО, пытающихся заново историзировать собственную дисциплину и стремящихся к пониманию долгосрочных и крупномасштабных геополитических трансформаций, они пошли разными путями.

Предложенная Гилпином типология изменений серьезно переопределяет введенное Уолцом бинарное различие анархии и иерархии, фокусируясь на происхождении нововременной системы государств, а также на взлетах и падениях государств внутри этой системы. Однако его комбинация модели рационального общественного выбора и структуралистских рецептов неореализма прививается к историческому процессу, который

противоречит ее утилитаристским предпосылкам и функционалистским выводам. Историческое многообразие загоняется в модель публичного выбора, которая остается привязанной к явно нововременному понятию инструментальной рациональности. Как только это обеззараженное понятие принимается за вневременной принцип социального действия, непредвиденные последствия и «дисфункциональные аномалии» просто исчезают из поля зрения. Поскольку стимулы изменения действий исходно выносятся вовне и отождествляются с внешними факторами, а потом уже институциональные результаты выводятся из коллективных выборов, основанных на рациональном расчете ожидаемой выгоды и издержек, международное изменение следует универсальной односторонней схеме. Однако, хотя Гилпину не удается продемонстрировать этот процесс коллективного рационального выбора в том или ином конкретном случае, исторические данные доказывают наличие серьезных различий в формировании ранненововременного государства, которые он никогда не рассматривает. После установления нововременной системы государств история международных отношений сжимается до механического, функционалистского описания иерархических сдвигов в среде держав, набирающих силу, и тех, что вступают в период заката, причем сам сдвиг в иерархии опосредуется соперничеством за положение гегемона — этот вывод затем преобразуется в некую теорему, которая выдается за закон.

Предложенная Краснером новая интерпретация Вестфальских мирных соглашений отрицает за ними значимость поворотного пункта в международных отношениях. Однако Краснер, не занимаясь собственно изучением неравномерного развития политических сообществ, составлявших Вестфальское общество государств, просто заявляет, что, независимо от суверенитета как основного международного правила, правители действуют в соответствии с собственными рациональными интересами, которые на фундаментальном уровне управляются анархией и силовой политикой.

Конструктивистская теория Рагги восстанавливает связь между правами собственности как принципами территориальной дифференциации и различающимися формами политического и геополитического порядка. Хотя акцент на социальном характере изменяющихся форм международных отношений проясняет природу перехода от Средневековья к Новому вре-

мени, его объяснение не может выйти за пределы неопределенного, многофакторного плюрализма. Такое отступление к случайности проистекает из нежелания Рагги интерпретировать собственность как нечто большее, чем простой юридический институт или конструктивное правило. За обращение к темам Вебера приходится платить определенную цену: трансформация средневекового условного держания в нововременную частную собственность утрачивает связь с регионально отличными социальными конфликтами по поводу земли и рабочей силы, рассматриваясь скорее как часть общеевропейской эпистемной революции. Эти теоретические слабости сразу же порождают неверные эмпирические оценки. Поскольку природа ранненовременных международных отношений в Европе в значительной степени экстраполируется из якобы архетипичного случая Франции, Рагги серьезно ошибается при определении хронологических и географических истоков геополитического Нового времени. Его предпочтение локального и случайного диаметрально противоположно тому, что он считает универсальностью абсолютной индивидуации и ограниченной территориальности, — что это, если не *coincidentia oppositorum*?

Спрут еще больше историзирует теорию МО, меняя неореалистическую логику на шкалу определяющих политику «образов». Но как только главная каузальная роль приписывается задающим систему элементам и социальным силам, действующим между ними, Спрут оказывается вынужденным вернуться к коммерциализации как «внешнему воздействию». Избегая гилпиновского функционализма и каузальной неопределенности Рагги благодаря объяснению ранненовременных различий как результата действия регионально расходящихся социальных коалиций, природа этих социальных альянсов все равно не объясняется теорией, поскольку более широкие классовые отношения не рассматриваются. Его неявная отсылка к марксистской, но весьма устаревшей интерпретации коалиции между французскими бюргерами и монархами домов Валуа или Бурбонов приводит к тому, что он переоценивает эффективность и современность ранненовременного французского государства. Когда же аргумент в пользу организационного превосходства «Старого порядка» становится сомнительным, его теория последующего конкурентного отбора из качественно различных конфликтующих элементов просто проваливается.

Наконец, исследование Розенберга оказывается прорывом в теории МО, осуществленным на многих уровнях, но оно сталкивается с трудностями при переводе понятийной абстракции, то есть «капитализма», в историческую реконструкцию его происхождения внутри уже территориально определенной системы государств и его воздействия на эту систему. В его структуралистской интерпретации подчеркивается радикальный разрыв между доновременной и новременной геополитикой — но именно этот разрыв скрывает весьма сложную динамику международных отношений в период между 1688 г. и Первой мировой войной и после нее, когда осуществлялся длительный переход к новременным международным отношениям.

Чтобы двинуться дальше этих несовершенных попыток объяснить происхождение и развитие новременной системы государств, мы должны разработать полную и связную, исторически обоснованную и теоретически выверенную интерпретацию, которая была бы способна (а) предложить теорию природы средневекового геополитического порядка и системных трансформаций в нем; (б) определить динамику, которая повлекла зарождение множественных и отличных друг от друга политических образований в ранненовременной системе государств; (в) установить, несмотря на эти различия, принципы вестфальских международных отношений; (г) объяснить возникновение капитализма и первого новременного государства, а также то, как ему удалось сделать всеобщей свою логику политической организации и международных отношений в плюриверсуме, созданном процессом формирования абсолютистского государства. Такова задача следующих глав этой книги.

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <https://id.hse.ru/books/series/17870538/>

Научное издание

БЕННО ТЕШКЕ

МИФ О 1648 ГОДЕ:

КЛАСС, ГЕОПОЛИТИКА
И СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Третье издание

Зав. книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор
ГАЛИНА КОРАБЛЕВА

Компьютерная верстка
НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор
ГАЛИНА СТАРИКОВА

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 22,4
Тираж 600 экз. Изд. № 2986. Заказ №

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42